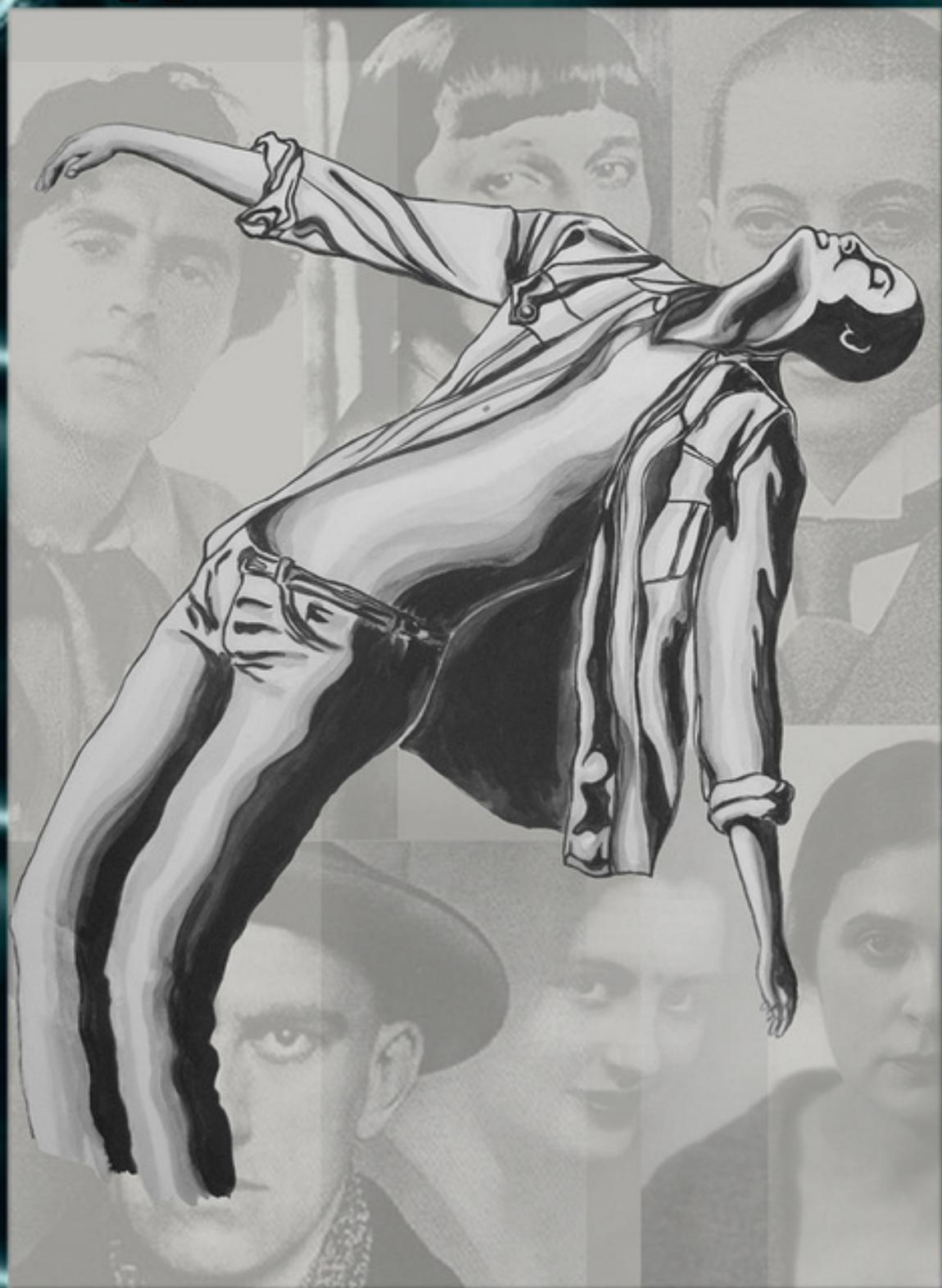

ВЛАДИСЛАВ КЕТАТ

ДЕТИ ИЛЛЮЗИЙ

@ЭЛИТА

16+

Владислав Кетат

Дети иллюзий

Электронное издательство "Аэлита"

2014

Кетат В.

Дети иллюзий / В. Кетат — Электронное издательство "Аэлита",
2014

Это роман о Москве девяностых, но тут нет ни «ментов», ни бандитов. Есть молодые романтики – художники и поэты, скульпторы и писатели. Ещё есть любовь и творчество, надежды и разочарования, верность и предательство. Это роман о тех, на чью молодость выпало то непростое время, которым сейчас пугают детвору. Было ли оно таким? И было ли вообще?..

© Кетат В., 2014
© Электронное издательство
"Аэлита", 2014

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	19
3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владислав Кетат

Дети иллюзий

© ЭИ «@элита» 2014

* * *

Часть первая Очки за бабки

1

– Чей гомункулюс? – слышится из-за перегородки высокий голос Востокова.

В ответ раздаётся громкое молчание находящихся в шоу-руме молодых мужчин: коммерческого директора Игоря Климова, технического директора Олега Розова, и заместителя генерального директора по международным отношениям Валерия Сухова, то есть меня.

– Последний раз спрашиваю: чей? – повторяет Востоков.

Снова молчание. Мы удивлённо переглядываемся, и у каждого в глазах: «да чтобы я, да никогда!»

Поясняю: гомункулюсом у нас называют то, что вырастает в оставленной на неделю-другую недопитой чашке с чаем, или кофе. Плесень, корочка.

– В самый последний раз спрашиваю...

На самом деле гомункулюс – мой. Это мою кружку нашёл Игорь Востоков, наш генеральный директор, когда лично полез разбирать чайный угол – место, отделённое от шоу-рума не очень устойчивой перегородкой, где мы пьём чай и питаемся. Вернее, одну из моих. У меня их несколько – не буду же я, в самом деле, пить кофе, чай и вино из одной и той же ёмкости! А молчу потому, что уличённый в выращивании гомункулюса сотрудник однозначно приговаривается к мытью чашек остальных сотрудников, а мне этого делать, сами понимаете, не хочется.

Востоков выходит из-за перегородки с моей чашкой в одной руке и сигаретой в другой.

– А гомункулюс уже, между прочим, почти созрел, – говорит он, проводя длинным, с небольшой горбинкой, носом над зеленовато-коричневатой жижей, – скоро будет шлёпать ластами и кричать: «Папа, папа!»

Мы молчим. Востоков обводит нас троих недобрый взглядом:

– Внимание, вопрос: «Кто у нас папа?» Минута на обсуждение.

Я понимаю, что отвертеться не удастся, поднимаюсь с рабочего места, подхожу к Игорю и с деланным любопытством заглядываю в чашку.

– А ведь как похож, засранец! – восхищённо говорю я. – Но, гражданин судья, при вынесении приговора прошу учесть факт добровольной явки с повинной.

– Хрена лысого! – заявляет Востоков. – Марш в сортир!

Держа в руках четыре самые грязные чашки во всем юго-западном округе Москвы, разделочную доску и два ножа, я поднимаюсь на пятый этаж. На четвёртом, нашем, мужской туалет закрыт – завхоз приспособила его под кладовку. Вот такой половой шовинизм.

Примерно в центре коридора мне попадаетея девушка Зоя, которую за длинные золотистые волосы и крупное туловище мы прозвали «Забавой». Общаться с нею не хочется, поэтому ускорю шаг, чтобы успеть проскочить в заветную дверь.

– Привет, очкарикам! – кричит Зоя, перехватывая меня почти у входа в. – У вас что, опять пьянка? Готовишься?

– Нет, – отвечаю я, открывая спиной дверь, – внеочередной ПХД.

Зоя делает непонимающее лицо:

– Пэ-хэ-что?

– Парко-хозяйственный день, – говорю я оттуда, куда Зое вход запрещён, – уборка, в общем.

– А то, если пьянка, позвали бы! – кричит она вслед, но я включаю воду и делаю вид, что не слышу. Понимаю, не очень-то вежливо, но что поделать: от Зои не так-то просто отделаться.

Хотя по-человечески её понять можно. Зоя сидит на телефоне в небольшой фирмёхе, толкающей в регионы прибалтийскую косметику. Работы у Зои мало, свободного времени много. Зоя перманентно скучает, Зое хочется праздника. Кроме того, Зоя не замужем, а у нас в фирме из четырёх мужиков только один по-настоящему женатый, один женатый условно и двое не женаты вовсе. Так что Зоин интерес к нам вполне обоснован. А очкариками она нас назвала потому, что Фирма, в которой мы все работаем, занимается оптовой продажей изделий очковой оптики иностранного производства, проще говоря, очков, линз и оправ, на территории Российской Федерации. Оправы и всё остальное мы возим в основном из Испании, там у нас для этого есть специальный человек, родственник Востокова со стороны жены, кажется. Короче говоря, несём народу, как удачно выразился один наш клиент из Махачкалы: «Очки за бабки».

Сейчас январь девяносто восьмого года, доллар стоит шесть рублей ноль-ноль копеек. Мне двадцать четыре года, в фирме я работаю с лета, то есть с момента окончания института, и пока всё идёт нормально. В мои обязанности входит деловая переписка на иностранном (английском, разумеется) языке с нашими иностранными коллегами, телефонные переговоры с оными, поддержание в рабочем состоянии оргтехники – компьютера, принтера и факса, ведение складского учёта, и, кроме всего этого, замещение любого из директоров фирмы в их отсутствие. За всё про всё мне не всегда регулярно, но причитается триста долларов США ежемесячно, плюс премии, которые, впрочем, случаются нечасто. Да, забыл сказать: фирма наша называется: «Регейн¹», убей бог, не знаю почему.

Я выхожу из сортира с вымытыми до характерного скрипа чашками коллег и спускаюсь обратно в офис. Зои в коридоре уже нет, зато есть сладковатый запах её духов, видимо, позаимствованных из ассортимента фирмы. Из-под собственной коровы, так сказать. Странно, но фактом отсутствия Зои я даже несколько разочарован.

Пока меня не было, к нам в шоу-рум пожаловали гости – две бизнес-девушки под тридцать. Обе брюнетки с короткими стрижками, в одной весовой категории, возможно, ровесницы. Из того, что очки наблюдаются на носу только у одной, можно заключить, что вторую она взяла за компанию. Девушки часто так делают, и совершенно, на мой взгляд, неоправданно. Но об этом чуть позже.

Судя по всему, Востоков только что начал процесс их «окучивания». Я захожу на том месте, когда он с лёгким апломбом сообщает, что оправка, которую держит в руках, была покрыта сначала слоем палладия, затем слоем пятнадцатикаратного золота, и только потом слоем двадцатидвухкратного золота. Не уверен, что девушки запомнят такие подробности, но упоминание о золоте, судя по блеску в глазах, действует на них благотворно.

– И сколько такая стоит? – спрашивает одна.

– Пятьдесят пять условных единиц, – отвечает Игорь.

– А какой у вас курс? – спрашивает другая.

– Шесть двадцать, – объявляет Игорь и тут же оговаривается: – мы не бандиты, мы благородные пираты.

Девушки вяловато хихикают.

¹ От англ. regain – восстановление, возмещение (утраченного)

Я бочком пробираюсь в чайный угол, избавляюсь там от вымытого и усаживаюсь на рабочее место. С него мне видно всё, что происходит в шоу-руме.

Я люблю наблюдать, как Игорь «окучивает» клиентов, особенно девушек. Есть в его болтовне что-то такое, что заставляет их широко раскрывать рот, глаза и кошельки. Я, например, так не умею. Вообще-то наша фирма занимается оптовой продажей очков и оправ, но если кто-нибудь приходит в офис и просит продать одну или две пары в розницу, мы обычно не отказываем. Что, собственно, в данный момент и происходит.

Игорь, словно экскурсовод, водит клиенток по шоу-руму, ненадолго задерживаясь у каждой выставочной стойки с оправами. Они у нас развешаны тематически – по фирмам-производителям. С чуть прикрытых пшеничными усами губ Игоря то и дело слетают названия европейских и мировых брендов, раззадоривая того самого маленького хищного зверька, который живёт в каждой женщине. Попутно Игорь выведывает, что же на самом деле хочет клиентка, и после того, как принципиальный выбор оправы сделан – «металл», «пластик», «на леске», «флекс» и пр. – происходит процедура примерки. Девушку сажают в кресло, ставят перед ней большое зеркало и раскладывают на столе десятка два разных оправ. От такого разнообразия у девушки обычно начинают разбегаться глаза, но на помощь тут же приходит Игорь.

– Вот, смотрите, эта оправка вам немного маловата, – говорит он тоном доброго учителя, – происходит эффект «много лица». Видите?

– Много лица... – как зачарованная повторяет девушка.

– А вот эта оправка, наоборот, велика, – продолжает Игорь, – происходит обратный эффект...

– Много очков? – спрашивает озадаченная девушка.

– Нет, «мало лица», – поправляет Игорь.

Девушка откладывает очередную оправку в сторону и берётся за следующую.

– А как мне вот эта? Какой у неё эффект?

– Никакого, – мягко произносит Игорь, – вам она просто не идёт. Надо, чтобы форма окуляров снизу примерно соответствовала форме нижней части лица, а сверху – форме бровей.

– Боже мой, как всё сложно! – сокрушается девушка.

Наконец из первоначальной кучи остаётся всего три оправки, которые по всем Игоревым правилам одинаково подходят клиентке, и вот тут на сцену вызывается вторая девушка. Теоретически она должна помочь подруге выбрать из трёх самую подходящую, но на практике такого никогда не происходит – одна девушка никогда не посоветует другой то, что ей по-настоящему идёт. Так работает тысячелетиями формировавшийся механизм женской ненависти.

И действительно: вторая девушка однозначно выбирает ту, которая меньше всего подходит первой. Первая же, несколько одуревшая от примерки, ничего не замечает. Только Игорь чуть заметно улыбается.

– Отличный выбор, – заключает он, – к этой оправке у нас идёт вот такой очечник, – у Игоря в руках из ниоткуда появляется продолговатый светло-коричневый предмет, – снаружи натуральная кожа, внутри замша.

Игорь раскрывает створки, демонстрируя замшевые внутренности, кладёт внутрь выбранную оправку и со щелчком захлопывает очечник. От неожиданности девушки ойкают.

– Рояльная петля, – сообщает он, – пройдёмте, расплатимся.

Кассовый аппарат у нас стоит на самом видном месте, прямо на столе генерального директора, рядом с факсом. Это сделано, чтобы никто не сомневался в наших честных намерениях, хотя чеки при его помощи выбиваются далеко не всегда.

Игорь с девушками подходит к аппарату.

– С вас пятьдесят пять долларов, – говорит Игорь, – как будете платить?

Девушка молча достаёт из сумочки стопку «зелени» и ловко отсчитывает обозначенную сумму.

– Может, это и не вполне законно... – Игорь берёт у неё купюры и обмахивается ими, словно веером, – зато чертовски приятно!

Девушки неискренне улыбаются в ответ. Продолжая обмахиваться денежным веером, Игорь поворачивается ко мне:

– Валера, будь ласка, выпиши дамам приходничек. Модель «Passion», цвет «Habana Oro»
– Будет исполнено, ваша честь! – бодро отзываюсь я с рабочего места.

Достаю из ящика пачку пропечатанных приходных ордеров, отрываю один и быстро заполняю нужные графы чертёжным шрифтом. Игорь в это время своими длинными пальцами исполняет соло на кассовом аппарате. Тот трещит, как брошенный в Чернобыле счётчик Гейгера. Игорь отрывает нехотя выскользнувший из чёрной щели кургузый чек и прикрепляет степлером к «приходничку», который в этот момент я вкладываю ему в руку. На всё у нас уходит не более тридцати секунд.

– Ну а! – Игорь передаёт девушкам платёжные документы. – Гарантия на оправу двенадцать месяцев, только не рекомендую вставлять линзы «на улице» – могут оправу запороть. Идите в приличную оптику.

– Спасибо, я знаю, – кивает девушка, – у нас как раз рядом с работой есть, только там оправы в три раза дороже, чем у вас.

– Тем и живём, – усмехается Игорь, и как бы невзначай переводит взгляд на её подругу:

– А вы не хотите себе приобрести что-нибудь?

– Спасибо, у меня стопроцентное зрение, – отвечает та.

Правая бровь Игоря саркастически ползёт вверх:

– Понимаете, очки – не только оптический прибор, но и составляющая имиджа. Грамотно подобранные очки – это почти как сумочка. Или туфли...

– Туфли! – хмыкает девушка. – Сравнили тоже!

– Не скажите, – качает головой Игорь, – к нам как-то пришла одна дама со стопроцентным зрением, и заявила, что хочет выглядеть, как стерва.

– И что?

– Мы подобрали ей оправу, у которой на заушниках была имитация кожи гадюки, и дама стала выглядеть как десять стержней. Заметьте: превращение было достигнуто исключительно выбором оправы.

У девушки слегка вытягивается лицо, и широко открываются глаза. Видимо, рассказ Игоря задел её за живое.

– А бывают очки специально для соблазнения, – развивает успех генеральный директор.

– Это как, простите? – не понимает девушка.

– Как украшения. Ведь украшения, на самом деле, предназначены для ношения исключительно на обнажённом теле. Я имею в виду, конечно, тело женское. Золото подходит только для смуглой кожи, а серебро и платина – для светлой. Только представьте: золотое ожерелье на мягко загорелой шее, золотые браслеты на запястьях, тонкая цепочка на бёдрах и ещё один браслет на левой ноге, который нельзя снять, не расклепав... Так и аккуратная золотая оправка на обнажённой девушке... очень возбуждает.

Даже с моего места видно, как у девушки от удивления приоткрылся рот, и уехали далеко вверх выщипанные полоски бровей.

– Это я к тому, что очки могут носить самые разные функции, – заканчивает мысль Игорь.

Неожиданно в разговор вмешивается отоваренная девушка, которая только что закончила любоваться хапнутым и уже затолкала оное в сумочку.

– Марина, нам пора, – с деланным нетерпением дёргает она подругу за рукав, – пойдём, Марин.

Марина делает неуверенный шаг в сторону подруги.

– Не смею задерживать, – с лёгким поклоном говорит Игорь. – Выход там.

Девушки прощаются. Игорь провожает их до двери, продолжая что-то рассказывать на ходу. Хлопает железная дверь, и образовавшийся сквозняк доносит до нас запах двухкомпонентной смеси женских духов, заставляя каждого глубоко вдохнуть носом, а потом глубоко задуматься. Через пару секунд возвращается Игорь с долларами в руках и непонятной улыбкой на лице.

– Гарри, зачем ты её отпустил? – поднимаясь со стула, спрашивает Игоря коммерческий директор нашей фирмы Игорь Климов, он же Игорь номер два.

– Понимаешь, Гарри, сейчас всё равно бы ничего не вышло, – отвечает Востоков, он же Игорь номер один, – но я заронил в её душу сомнение. Готов поспорить, она к нам ещё придёт. Одна.

Игорь номер два протягивает Игорю номер один руку:

– Пари?

– Бутылка «Smirnoff» на то, что она в течение этой недели появится, и две бутылки, если придёт в понедельник, – и Востоков, словно в ножны, вкладывает свою узкую ладонь в красную растопыренную пятерню Климова.

– Валер, разбей, – через плечо бросает мне Климов.

Встаю и ребром ладони символически разбиваю их рукопожатие, после чего возвращаюсь на рабочее место.

Мой рабочий день официально заканчивается в восемнадцать тридцать, но ухожу я домой, разумеется, позже – всегда найдутся какие-нибудь дела, которые, как известно, невозможно переделать до конца. Сегодня это письмо к нашим японским друзьям, которое нужно обязательно отправить до конца дня, поскольку японцы любят, чтобы на их письма отвечали день в день, или, в крайнем случае, на следующий.

В офисе я один – шефья давным-давно смылись. Первый – домой, второй, надо понимать, к любовнице, а третий – технический директор Олег Розов – чинить служебную, т. е. генерального директора, машину. Я совершенно не расстроен тем фактом, что они там, а я здесь. Во-первых, идти мне, по большому счёту, некуда, а во-вторых, эта работа мне скорее нравится, чем нет. Писать деловые письма нашим партнёрам – японцам, испанцам, немцам, итальянцам, без разницы – на самом деле, просто: в девяти из десяти случаев это набор стандартных фраз, кочующих из письма в письмо. Бывают, конечно, исключения, но нечасто. Никаких особенных языковых навыков сие занятие не требует, главное – внимательность, ну и элементарное владение терминологией, разумеется.

Но есть и третье обстоятельство, по которому мне не грустно остаться после работы в офисе: дело в том, что я имею наглость *писать*. В смысле, художественные произведения, и такие вот вечера – идеальное для этого занятия время. Поэтому у меня на компьютере сейчас открыто два окна: в одном – письмо японским товарищам, во втором – недописанный роман. Рабочее название: «Мультфильмы для взрослых».

Роман, понятное дело, обо мне, любимом. Я выведен главным героем в истории, странно похожей на историю моей жизни – никакой другой я, к сожалению, пока описать не в силах. В историю эту подвёрстаны мои друзья, подруги, учителя, враги, короче говоря, все, кто попался мне на моём недлинном жизненном пути.

Пишется роман плохо. Медленно. Я крепко застрял – уже неделю топчусь на сто двадцатой странице. Для того, чтобы хоть как-то продвигаться вперёд, я вставил в повествование совершенно не относящуюся к описываемым событиям подслушанную в транспорте байку, и вот теперь мучаюсь: байка хороша, да только на черта она мне в романе сдалась...

Возвращаюсь к письму господину Ямомото. Тут, наоборот, всё хорошо и понятно, хотя оно и есть то самое исключение, о котором я говорил выше. В письме от имени генерального директора мне приходится спрашивать японцев разрешить нам быть их дилерами на тер-

ритории России. Это уже второе наше письмо с таким содержанием. На первое пришёл элегантно-уничжительный отказ: мол, вы, ребята, молодцы, да только малы ещё, чтобы нашими очками торговать.

Прочитав перевод письма, Игорь понимающе улыбнулся и высказался в том смысле, что это ничего не значит, потому что японцы никогда не соглашаются на первое предложение, и надо срочно писать второе, что я, собственно, и делаю:

Дорогой господин Ямото.

Мы очень благодарны Вам за Ваше письмо от...

Мы понимаем Ваши опасения, и отдаём себе отчёт, насколько почётно представлять на российском рынке продукцию Вашей компании...

Наша фирма хоть и молода, но уже зарекомендовала себя как серьёзный и надёжный деловой партнёр. Мы являемся дилерами таких известных европейских фирм-производителей изделий очковой оптики, как...

Мы имеем дилерскую сеть в таких городах России, как...

В прошлом году годовой оборот нашей фирмы составил более...

Обобщая изложенное, мы гарантируем высокий уровень представления продукции Вашей фирмы в России, что позволит Вашей фирме в ближайшем будущем занять достойное место в оптическом сегменте российского рынка.

Искренне надеюсь, Вы примете взаимовыгодное решение о предоставлении нашей фирме права представлять Вашу продукцию на территории Российской Федерации.

Искренне Ваш,

Director General Igor B. Vostokow

«Было бы так просто и понятно в написании художественного произведения, – думаю я, – стандартное вступление, стандартные персонажи, набор стандартных диалогов и поворотов сюжета через каждые десять страниц, и, наконец, стандартный финал-апофеоз, только...»

– ...такое никто не будет читать, – неожиданно для себя произношу вслух окончание моей мысли.

– Что читать?

Голос из глубины шоу-рума заставляет меня подпрыгнуть вместе со стулом. Оборачиваюсь. Это Зоя с каким-то пакетом в руке.

– Как же ты меня напугала, – на протяжном выдохе говорю я, – будь добра, стучись в следующий раз, а то найдёшь вместо меня мой ещё тёплый труп.

– Какие мы нежные, – фыркает Зоя, – я, между прочим, стучалась.

– Не слышал...

Зоя, от которой пахнет спиртным, плюхается на свободный стул и ставит рядом с клавиатурой пакет, с которым вошла. В пакете однозначно угадывается бутылка.

– Я подумала, может, у вас всё-таки пьянка, – Зоя медленно стягивает пакет вниз, обнажая завернутое в серебристую плёнку горлышко.

– Зой, мне работать надо... – пытаюсь сопротивляться я, только на Зою это не действует: пакет продолжает ползти вниз, расшевеливая срамные ассоциации. Становится видна жёлтая этикетка, а потом и надпись на ней: «Монастырская изба».

– Пусть трактор работает, – говорит Зоя.

– Мне ещё целое письмо писать...

– Потом напишешь.

Скомканный пакет летит в ведро.

– ...а завтра вставать рано.

– На том свете отоспишься.

У Зои в руке, словно кинжал, сверкает штопор.

– На, открывай, – она протягивает мне его рукояткой вперёд, – а где у вас бокалы?

Беру бутылку в левую руку, штопор – в правую.

– Бокалов нет, есть кружки. Вон там, – показываю на поднос в углу, на котором стоят вымытые мной наши кружки, – все чистые.

Зоя встаёт и, якобы ненароком касаясь бедром моей руки, проходит в угол; берёт с подноса две кружки – мою и Игоря – и возвращается на стул. За это время я успеваю справиться с пробкой.

– Наливай.

Рывками покидая горлышко, бледно-жёлтая жидкость наполняет до половины Зоину кружку, а затем, также до половины, мою.

– За любовь, – говорит Зоя, но в голосе её почему-то слышится: «За родину!»

– За неё, – подтверждаю я и тихонько чокаюсь своей кружкой с Зоиной.

Делаю большой глоток. Холодное вино падает в пустой желудок, и через секунду мне становится тепло. «Парадокс», – думаю я, делая ещё один.

Зоя с грохотом ставит пустую кружку на стол:

– Ещё по одной?

– Закусить бы, с обеда ничего не ел, – пытаюсь отмазаться я, но Зоя достаёт откуда-то плитку шоколада «Алёнка».

– Пойдёт?

Обречённо киваю. Это лучше, чем ничего.

Своими пухлыми, на которых я насчитал семь колец, пальцами Зоя через обёртку ломает «Алёнке» кости. Потом поднимает глаза на меня:

– Чего замер, разливай.

Пока я наполняю кружки, Зоя разрывает обёртку и вываливает на стол увечные Алёнкины внутренности:

– Кушать подано.

– Мерси.

Зоя снова тостует:

– За любовь!

– Так вроде за любовь уже пили?

– За неё, сколько ни пей, всё равно мало.

И Зоя махом опрокидывает в себя кружку.

«Э-ге, – думаю я, – эдак она накушается раньше времени. Что тогда?»

– Валер, я давно хотела тебя спросить, – сквозь хруст шоколада, говорит Зоя, – у тебя девушка есть?

Понимая, к чему она клонит, решаю отвечать так, как обычно делает Израиль, когда у него спрашивают о наличии атомной бомбы:

– Зой, это сложный вопрос...

– Красивая?

– Как тебе сказать...

– Моложе меня?

– Знаешь, возраст – такое дело...

– Блондинка? Брюнетка?

Мне надоедает отпираться, и я сообщаю то, что Зоя хочет услышать:

– У меня *была* девушка: брюнетка, двадцать два года, на мой вкус, очень даже ничего, но мы расстались. Сейчас у меня никого нет.

Зоя удовлетворённо кивает:

– Тогда наливай.

Наливаю, и мы снова пьём за любовь.

– А я тебе нравлюсь? – спрашивает Зоя уже чуть заплетающимся языком.

Я не нахожу, что ответить: Зоин вопрос застаёт меня врасплох.

– Ну, хоть немно-о-ожечко? – повторяет она.

Моё красноречивое молчание продолжается. Зоя наливает себе сама и, не чокаясь со мной, выпивает залпом. Поставив на стол кружку, она проводит в воздухе указательными пальцами, изображая контур женской фигуры.

– Валера, пойми, всё *это* – рекламный ролик, – говорит она грудным голосом, – когда выключают свет, длина ног и цвет волос перестают быть важны, остаются груди, рот, задница, и то, что между ног. Да, у меня лишний вес, короткие ноги и прыщи по всей морде, но всё, что я только что перечислила, у меня такое же, как и у всех остальных баб, а кое-что и получше.

Зоя сжимает крупными, почти мужскими ладонями свои немаленькие груди, отчего у меня теплеет в паху.

– И потом, важно не содержание, а форма.

Зоя делает паузу, пристально глядя мне в глаза. Я выдерживаю её взгляд.

– Возьмём тачку, поедем ко мне, – горячо шепчет она, – тут недалеко. Если совсем противно, можно выпить коньяку, у меня дома всегда есть. Или, хочешь, я тебе глаза завяжу? А утром ты просто встанешь и уйдёшь...

Ошарашенный, я буквально теряю дар речи, а Зоя, видимо, приняв моё молчание за согласие, идёт в наступление: поднимается со стула, обходит меня с правого фланга и мягко наваливается грудью на плечо:

– Валер, перестань ломаться, я никому не скажу...

– Зоя, не надо... – только и могу выдавить из себя я.

Горячие и влажные, с кислинкой от «Монастырской избы», Зоины губы тазом накрывают мой рот, руки заплетаются вокруг шеи, а сама Зоя медленно сползает ко мне на колени. Её грудь теперь подпирает мой подбородок. Зоя тяжело дышит, я слышу, как гулко бьётся её сердце, и воображение тут же рисует перспективу, которую десять секунд назад озвучила Зоя.

Вот, мы у неё дома, уже пьяные... вот, с неё падает одна тряпка, затем вторая, третья... вот она голая лежит на кровати, груди в потолок, а я с отяжелевшей от алкоголя челюстью стою напротив, не в состоянии понять, как мне захотеть этот распластанный на кровати труп...

Видение покидает меня. Чтобы меня не заподозрили в попытке обнять Зоино туловище, демонстративно опускаю руки и отворачиваюсь в сторону. Знаю, это нехорошо, не по-мужски: не отвечать взаимностью женщине, но ничего не могу с собой поделать – Зоя мне совершенно безразлична, а в пьяном виде даже противна, – поэтому я холоден и неподвижен, как фараон при входе в Карнакский храм. До Зои, похоже, потихоньку доходит моё настроение. Некоторое время она ещё елозит по мне задом и давит крупом, но, так и не дождавшись ответной реакции, постепенно затихает.

– Ты что... – прерывистым шёпотом спрашивает она, – совсем меня не хочешь?

– Извини, – отвечаю я, отводя глаза в сторону, – чего-то никак.

Зоя медленно встаёт с моих колен.

– Сволочь ты, Суров, – говорит она с обидой в каждой букве, – все вы, мужики, сволочи!

– Зой, не обижайся... – совершенно искренне начинаю я.

Зоя резко разворачивается в мою сторону на каблуках – платье перекошено, на голове кошмар, в глазах слёзы.

– Расскажешь кому – убью! – кричит она и, напоследок вильнув задом, широким шагом покидает комнату.

Откидываюсь на спинку стула. Пустая Зоина бутылка летит в ведро для бумаг, вслед за ней – скомканная Алёнкина обёртка. На душе противно: такое чувство, будто только что

сделал кому-то гадость, хотя на самом деле никакой гадости никому не делал. И от понимания этого становится ещё противнее.

Время – двадцать один час двадцать минут. Пора домой. Встаю, выключаю компьютер, выдёргиваю из розетки нашу гордость – электрический чайник с антипригарным покрытием спирали, проверяю, не осталось ли в пепельнице тлеющих окурков, и только после этого иду одеваться. Зима в этом году не особенно холодная, поэтому чтобы не замёрзнуть, мне вполне достаточно тёмно-синего демисезонного пальто, клетчатого шарфа и чёрного декадентского берета. Одетый, подхожу к большому зеркалу в коридоре. В таком прикиде, да ещё с длинными волосами и бородкой, я похож то ли на молодого батюшку, то ли на художника, по неизвестной причине сбежавшего из Монпарнаса в Черёмушки. Хватаюсь за циклопических размеров тумблер электроавтомата, что есть сил жму его вверх – х-дыщ! – и шоу-рум погружается во тьму.

– Спите спокойно, изделия очковой оптики, – говорю я поблёскивающим в свете уличных фонарей очкам и оправам, – завтра вас снова будут разглядывать, щупать, тереть тряпочками, надевать на чьи-то носы, засовывать в маленькие, обитые изнутри замшей гробики-очечники.

Ничего не отвечают мне изделия очковой оптики. Молчат: видно, уже уснули. Подхожу к самой дальней стойке, на которой покоится артефакт, который ещё никому не удалось продать. Эту ужасающую по дизайну оправу из коллекции «Гауди» с дикими попугайного цвета заушниками, тремя сменными накладками на окуляры и керамическим очечником Востоков привёз из последней поездки в Испанию со словами: «Это не оправка, а произведение искусства». Не знаю, как насчёт искусства, а клиенты от неё шарахаются. Возможно, их отталкивает цена – целых сто пятьдесят условных единиц – а может, они просто не доросли до высокого эстетического уровня нашего генерального директора... Так или иначе, Востоков обещал тому, кто её продаст, премию в размере оклада единовременно.

«Вот забрёл бы к нам какой-нибудь сумасшедший «новый русский, – мечтательно думаю я, – и влюбился бы в неё с первого взгляда. Я бы, конечно, наврал с три короба про то, как сам Гауди носил такие очки, когда строил «Саграда Фамилия», или ещё что-нибудь в стиле Востокова, и впарил бы ему это произведение искусства, пока тот ещё тёпленький, причём не за сто пятьдесят, а за целых двести условных единиц, неимоверно бы вырос в глазах начальства и получил вдобавок триста долларов оклада единовременно...»

Закрываю дверь офиса на все три замка и, сдав ключи на охрану, выхожу из здания под мягкий январский снег. Кривенькая улочка с гордым названием «Научный проезд», на которую чёрными окнами смотрит здание института «Гипромедтехника», где мы снимаем офис, не по-московски пуста. На другой её стороне толкаются угрюмые металлические гаражи, а за ними в заснеженной темноте Александрийским маяком светит серая скала «Газпрома». Некоторое время смотрю на несгибаемый газовый фаллос, машу рукой сторожу Саше и его собаке по кличке Тумбочка, и, разгребая ногами успевшие вырасти за день сугробы, иду к метро.

Идти недолго – бывшая когда-то конечной, станция «Калужская» находится в десяти минутах неспешного променада от «Гипромедтехники». По дороге я обычно захожу в магазин «Калужская застава», чтобы купить там плюшку или пирожок. В магазине меня уже знают, и время от времени беззлобно подкалывают.

– Вас что, жена дома не кормит? – с искринкой в голосе спрашивает полная молодая продавщица с кольцом не на том пальце, когда я подхожу к кассе со сдобой в руках.

– Кормит, – говорю я, протягивая ей пригоршню мелочи, – только мало.

– Может, другую завести? – смеётся она.

– Не знаю, надо с ней посоветоваться, – как можно серьёзнее отвечаю я, и под её звонкий смех выхожу из магазина.

Морозец даёт о себе знать – винный хмель из головы почти выветрился. Жуя на ходу, спускаюсь по скользким ступенькам перехода метро, толкаю плечом стеклянные двери-убийцы и, показав сонной «красной шапочке» добытый контрабандой студенческий проездной, попадаю на станцию. Снимаю запотевшие с мороза очки и вытираю о шарф. Мои близорукие глаза видят вестибюль уходящим в пелену и слегка размытым по краям. Немного фантазии – и он превращается в колоннаду храма Ирода Великого, а усталые личности, слоняющиеся между колоннами – в жрецов или воинов. Самому себе я вижу начальником тайной службы, который следует на встречу с прокуратором. Я даже знаю, что скажу ему: «Прокуратору здравствовать и радоваться...»

Грохот цвета морской волны превращает мою хрупкую иллюзию в развалины. Жрецы и воины возвращаются в усталые личины офисных служащих. Надеваю очки и захожу в вагон.

Вот что я вам скажу: андеграунд хорош только тем, что здесь можно читать. Поглощение печатного слова помогает убивать время и наполняет образами одуревший после рабочего дня мозг. Проезд же на личном авто, наоборот, позволяет ощутить всю продолжительность пути во времени и напрочь его опустошает. Даже в плотной метрошной толчее можно почерпнуть свою порцию печатного слова, а в пробке, извините, нет. Только автомобильный невроз. Все мои друзья автолюбители – неврастеники. Они и в жизни ведут себя, как на дороге: пытаются всех обогнать с нарушением правил, и орут, как потерпевшие. Разумеется, «консервы» нервов тоже не успокаивают, но здесь есть звуковая завеса и книга. И если книга хорошая, можно улететь так далеко, что иногда трудно бывает вернуться обратно. Хотя, будь у меня личный автомобиль, я бы, наверное, рассуждал по-иному.

У меня в руках «Чапаев и пустота» – чёрный «Вагриусовский» томик неделю назад забыл у меня приятель. На самом деле, книгу я прочитал уже два раза, сейчас читаю третий. Не с начала до конца, а выборочно, самые чудесные куски.

Ну почему, ответьте мне, почему эту книгу, эту прелесть, этот отрыв башки без наркоза написал не я? Чем таким отличается от меня В. О. Пелевин, родившийся, кстати, со мной в один день? Почему, блин, он, а не, блин, я? Ну, почему? Что нужно с собой такого сделать, чтобы писать так же?

Понятное дело, это зависть. Самая обычная зависть писателя-неудачника писателю настоящему. Я знаю, что научиться писать так же, как он, нельзя. Never. No way. Единственное, что в моих силах – научиться писать так, чтобы написанное было не стыдно показать друзьям или отослать в издательство. Но для этого, товарищи, надо работать, как папа Карло, привязав себя к стулу, до одури сидеть за письменным столом, тысячу раз переписывать одну и ту же фразу, пока не выползет из-под пера одна единственно верная...

«И другого пути, вероятно, не-е-ет...» – блеет в моей голове ехидный Борис Борисович.

Отрываюсь от невесёлых мыслей и снова ныряю в книгу. Не закрывая глаз, вижу перед собой заснеженную Москву, монгольскую степь, высокого красного командира с перебинтованным мизинцем, коротко стриженую барышню холодной красоты, взрывающийся над моей головой стеклянный шар...

– Станция «ВДНХ», – слышится откуда-то сверху, – Следующая «Ботанический сад».

Еле успеваю выскочить из вагона.

Чтобы добраться до дома, мне теперь нужно, выстояв очередь, сесть в автобус № 392, или маршрутку аналогичного номера, доехать до города Королёва Московской области и выйти на остановке у библиотеки имени Н. К. Крупской, так называемой «Крупы». Время в пути в зависимости от пробок занимает от тридцати минут до часу, так что дома я буду, в лучшем случае, в половине двенадцатого. Есть и другой вариант исхода: доехать на метро до Ярославского вокзала и сесть там на электричку Монинского или Фрязинского направления, но много таким образом не выиграешь, можно даже серьёзно проиграть: маршрутки ходят гораздо

чаще электричек. Вообще, дорога из дома на работу и с работы домой – это проклятье всех, кто живёт за МКАДом, а всё потому, что за этим самым МКАДом, то есть в области, нормальной работы нет, а Москве – есть, но до неё ещё надо доехать.

Очередь оказывается короткой, и я удачно впикиваюсь в первую же подошедшую маршрутку. Сажусь спиной к водителю. Место не особенно завидное – придётся передавать деньги за проезд, – но зато тут есть, куда девать ноги. Читать в маршрутке из-за тряски тяжело, поэтому в дороге обычно я слушаю плеер. Сегодня у меня там кассета «Несчастливого случая» – «Это любовь». Сильная вещь. Слушаю её всю неделю, и она мне никак не надоест. Ярославское шоссе сейчас, скорее всего, свободно, так что одной стороны кассеты до дома должно хватить. Давлю на «Play» и, словно по моей команде, набитая под завязку «Газель» тяжело отваливается от остановки, а ко мне начинают тянуться руки, сжимающиеся по две десятки новыми.

Я живу отдельно от родителей совсем недавно, с тех пор, как окончил институт. Снимаю однокомнатную квартиру с мебелью, стиральной машиной «Эврика» и телефоном – за сто десять долларов в месяц. Обретя долгожданную свободу, я, тем не менее, далеко от них не ушёл – дом, в котором я обитаю, находится через дорогу от родительского. Думаю, это не самый плохой вариант отделения от родственников: вроде бы сам по себе, но всегда можно прийти к ним пообедать или отдать в стирку белье. И при этом довольны все: и я, и предки – а больше всего младший брат, занявший мою комнату.

Захожу в успевший стать родным слабо освещённый подъезд, по щербатым ступенькам поднимаюсь к лифту – и вдруг замечаю торчащий из-под перекошенной дверки почтового ящика с номером 89 белый уголок. Открываю ящик, и мне в руки падает тощий на ощупь конверт. Мой прежний, то есть родительский адрес в графе «Куда» выведен немного расхлябанным, но однозначно женским почерком. В графе «От кого» – заковыристая подпись. Светка, будь она неладна. Третье письмо за месяц.

Его, по-видимому, принёс кто-то из родителей, скорее всего, мать, добрая женщина. Странное дело: Светка ей никогда не нравилась, но после того, как мы разбежались, у матери проявилась в Светкином отношении малопонятная нежность: то она собрала все её фотографии в альбом и как бы невзначай подсунула мне, теперь вот носит её письма. Чудеса. Должно быть, схожий механизм заставляет любить почивших тиранов. Подавив в себе желание прочитать письмо прямо в подъезде, сую конверт в карман и пешком поднимаюсь на второй этаж.

Здравствуй, Лерик.

Можешь мне не верить, но я понятия не имею, зачем строчу тебе письма. Просто сажусь и пишу. Прямо мания какая-то.

Как ты там без меня, бедный Лерик? Говорят, квартиру снял. Один? Вообще-то я почти уверена, что один. Не могу представить, что ты сможешь с кем-нибудь жить, кроме своей мамы. Извини, конечно.

Что у меня? Сегодня год, как мы с Сержиком официально живём вместе, а праздновать не хочется, потому что нечего. Я где-то прочитала, что супружеская близость проходит три основных этапа: первый, когда супруги начинают друг перед другом без стеснения переодеваться, второй – ругаться матом, и третий, извини, пукать. Мы с Сержиком пока на втором.

Честно тебе признаюсь: основным приобретением от моей семейной жизни оказалось вовсе не так страстно желаемая «до» регулярная порция здорового секса, а ничем неконтролируемый поток мужских неудобств. Я хотела мужчину, а получила ребёнка, которого можно трахать. Кстати о трахе: раньше, сразу после свадьбы, мы делали «это» два раза в день, потом как-то незаметно перешли на один, потом на три в неделю, а сейчас совокупаемся (ненавижу это слово, но именно оно в полной мере отражает

то, чем мы занимаемся) один – два раза в неделю, обычно по выходным. И чаще, честно тебе скажу, не хочется.

Что ещё? Сержик толстеет. Недавно загнала его на весы – сто пять кгзэ. Он аж присвистнул. Сказал: «Ни хрена себе», слез с весов и пошёл жрать. Времени было полдвенадцатого...

Вообще, чем дольше я с ним живу, тем чаще вспоминаю тебя. Ты только не подумай, что я хочу к тебе вернуться – не дождёшься – просто ты всплываешь в моей памяти как прямая его противоположность. Недавно я даже назвала Сержика твоим именем. Слава богу, тот ничего не заметил. Он последнее время вообще меня не очень замечает.

Ну, всё, писать больше не о чем. Ответа от тебя, я так понимаю, не дождусь никогда.

Не твоя Света.

P.S. Надеюсь, у тебя всё так же плохо, как у меня.

Ещё раз перечитав две последние строчки, не спеша складываю из письма самолётик и иду с ним на кухню. Запускать лучше всего оттуда. Примёрзшая форточка открывается с костным хрустом. Морозный воздух врывается внутрь, попутно занося с собой эскадрилью снежинок-самоубийц. Беру самолётик в правую руку, зажигалку в левую; щелкаю колёсиком и подношу синий язычок к хвосту. Прикрываю пламя ладонью, пока оно медленно и нехотя перебирается на бумагу. Когда хвост основательно пылает и гарантированно не потухнет, плавно отпускаю самолётик в холодный прямоугольник, за которым чернота. Маленький факел почти сразу входит в штопор и после двух широких витков падает в снег. Какое-то время бумага горит, освещая кусочек сугроба вокруг, затем резко тухнет – от факела остаётся лишь одна ярко-красная точка. Через секунду гаснет и она.

Задраиваю форточку и сажусь на подоконник. Сигарета сама собой оказывается во рту, пальцы ещё раз щелкают колёсиком зажигалки. Сладковатый дым наполняет лёгкие, налетевшие мысли хватают меня под локти и волокут из кухни прочь, в моё не слишком-то давнее, но, надо полагать, навсегда ушедшее...

Я понял, что влюбился, когда в первый раз увидел её в домашней одежде: синей полосатой кофточке с коротким рукавом и облегающих трениках. Это было зимой девяносто первого. Не помню, зачем, мы зашли к ней домой с одной нашей одноклассницей, Танькой Васильевой. Я был посажен на диван в большой комнате перед телевизором, а Светка будто бы случайно прошла мимо, на секунду замерев, как раз на линии, соединяющей мои глаза и экран. Этой самой секунды оказалось достаточно, чтобы я зафиксировал её тонкую талию, обтянутые кофточкой острые груди и стройные ножки. Помню, в тот момент я подумал: «Какая же она тоненькая». Следующей мыслью было: «Хана, влюбился».

Со Светкой у нас развивалось так: мы начали встречаться в последнем классе школы, вскоре после описанного выше случая. Я ходил к ней домой, якобы для занятий английским. Мы запирались в её комнате и, ловя каждый шорох за дверью, обжимались на диване. На втором курсе института я её бросил (уже не помню, почему), на третьем вернулся (это было непросто), на четвёртом она бросила меня, потом мы на непродолжительное время сошлись на пятом, потом опять разошлись, потом, на шестом, она сделала робкую попытку начать всё сначала, но я тогда уже был с другой, поэтому взаимностью не ответил, а потом она как-то стремительно вышла замуж. И всё бы, как говорится, ничего, но только после окончательного разрыва стало понятно, что любил я её по-настоящему.

Как я ни старался, забыть Светку совсем или же вспоминать о ней редко, с лёгким апломбом первого владельца, не получалось. Я думал о ней постоянно и совсем в другом контексте. Есть такой кинематографический приём, когда необходимо одновременно показать,

что происходит с героями ленты, находящимися в разных местах. В этом случае кадр делится пополам, и в каждой половине совершается некое действие: слева, например, едят, а справа, наоборот, пьют. Вот так мне и представлялась наша с ней несовместная жизнь. Слева она с кем-то спит, а справа с кем-то сплю я. Слева она одна, справа я сплю ещё с кем-то. Справа я один, слева она... ну, понятно. Я часами смотрел такое кино. Только не подумайте, что я специально наводил о ней справки или, прости господи, шпионил. Ни в коем случае. За меня всё делали общие знакомые. Эти добрые люди почему-то очень любят сообщать новости о бывших. Видимо, считают, что от таких рассказов становится легче. Встретишь такого, а он тебе: «Видел вчера Светку с мужем. Загорелые, с югов вернулись» – и стоит, довольный. Придурок. Или: «Светка недавно звонила, они с мужем квартиру сняли...» или: «Встретили в мебельном магазине Светку с Сержиком, мы там гардины выбирали, а они – кровать...» Короче, лучше любой разведки. А с недавних пор стали приходиться ещё и письма.

Разумеется, я знаю, как от этого избавиться. Главное – определить проблему, а она в том, что я глобально и совершенно бесперспективно одинок, и ничего не могу с этим поделать. За последние четыре месяца у меня не было ни одного, даже самого пустякового романа. И, соответственно, секса. Вот если бы с головой окунуться в отношения, да так, чтобы разом забыть обо всём на свете: работе, курсе доллара, недописанном романе, Светке с её письмами, идиоте Сержике, Борисе Николаевиче, мать его за ногу... Но где раздобыть такие? Или вообще какие-нибудь...

Неожиданно мне вспоминается Зоя, её жаркие объятия и влажный, благоухающий «Монастырской избой» рот. Повинуясь мимолётному желанию, встаю, открываю скрипучие дверцы кухонного шкафа, где хранится всякий хозяйский хлам, и достаю оттуда оставшуюся с выходных недопитую бутылку «Каберне».

2

Считается, что творческих личностей тянет друг к другу. Правда, тянет. Но только когда личности молоды и ничего не достигли на творческой ниве. Это происходит оттого, что каждому нужна аудитория, а найти её проще всего в себе подобных. И ещё потому, что вместе всё-таки веселее. Позже такие союзы обычно распадаются, поскольку любая творческая личность по определению эгоистична.

Ваш покорный слуга в данном вопросе не исключение. Вот уже много лет мой круг общения состоит из поэта Коли Комарова по прозвищу «Дон Москито», актёра Серёжи Четверикова по прозвищу «Че» и сумасшедшего скульптора Олега Петрова, к фамилии которого, словно немецкое «фон», из-за того, что он на одном новом году пил шампанское из вантуза, приклеилось слово «Панк». Разумеется, у каждого из обозначенных товарищей есть и другие, вполне человеческие профессии, посредством которых те зарабатывают на жизнь, я лишь обозначил их направления в творчестве.

Дона Москито я знаю дольше всех, мы познакомились ещё в институте. Это произошло в курилке – небольшом помещении рядом со столовой – и, хотя там всегда толкалось с десятка два студентов, мы как-то вычислили друг друга среди толпы, и уже после первой раскуренной на двоих сигареты обменялись работами – я дал ему почитать свой рассказ «Локоть судьбы», а он мне – свою поэму «Муза», из которой я запомнил только начало: «Моя печальная муза – рыжая стерва в синих рейтузах»; с Че – самым старшим и самым мудрым из нас – мы сошлись на пьянке у общих знакомых; Панк Петров оказался соседом Че по подъезду и влился в коллектив последним.

Нас действительно тянет друг к другу. Мы довольно часто собираемся, не только чтобы обсудить произведения друг друга, но и ради самого дорогого – того, что в нашем возрасте ещё совершенно не ценится – ради общения. С приходом новых времён и некоторым улучшением материального благосостояния всех четверых места встреч постепенно перекочевали из подъездов (зимой и осенью) и скверов (весной и летом) в клубы и рестораны, коих в столице нашей родины к этим самым новым временам развелось до чёрта. Конечно, здесь нет той романтики и достаточно дорого, но зато тепло, сухо и почти всегда есть чем закусить.

Сегодня ...-ое января, четверг. Мы сидим в клубе «Жёлтая кофта», что недалеко от театра имени Маяковского. Это поэтический клуб и одновременно ресторан с демократичными ценами на водку, где ошиваются не очень известные московские поэты и поэтессы, а также люди, не имеющие никакого отношения к поэзии, коих большинство. Разумеется, нам всем бы очень хотелось коротать вечера не здесь, а в «Ротонде²» или «Хромой собаке³», но так как существование подобных заведений в ельцинской Москве невозможно даже теоретически, приходится довольствоваться тем, что есть.

Хотя, если быть откровенным, «Жёлтая кофта» – не самый плохой вариант. Здесь гораздо приличнее, чем, скажем, в «Балаганчике», где есть шанс отравиться водкой, а за плохие стихи из зала может запросто прилететь пустая бутылка. Неверное по этому «Кофта» пустует редко. По четвергам здесь особенно многолюдно, поскольку по этим дням работает режим свободного микрофона. На практике это означает, что любой желающий, заранее предупредив конференсье, может выйти на сцену и в течение пяти минут насилловать слух всех присутствующих, включая официантов и гардеробщика, своими виршами. Собственно, поэтому мы сегодня здесь –

² Le Rotonde (фр.) – знаменитое кафе на Монмартре, в котором собирались Модильяни, Дерен, Пикассо, Вламинк и Сутин.

³ Поэтическое кафе, существовавшее в С-Петербурге с 1912 по 1915 г. Завсегдатаями этого кафе были А. Ахматова, А. Блок, Н. Гумилёв и др.

Дон Москито на выходных накарябал, как он только что выразился, мини-поэму «Ушла!», и теперь ему необходимо зачитать её перед независимой аудиторией. На поэтической фене это называется приступом лирического эксгибиционизма. Время от времени все мы страдаем такими приступами (понятное дело, у каждого эксгибиционизм свой), поэтому с радостью откликнулись на приглашение друга прийти сегодня вечером к «Маяку».

Есть только одна проблема: Дон Москито от природы очень стеснителен, и выступать перед незнакомыми людьми для него сродни пытке, поэтому, чтобы набраться уверенности, ему необходимо прилично набраться, уж простите за каламбур. Так что наша задача – не только составить компанию нашему поэту в распитии спиртных напитков (что, в общем-то, несложно), но ещё и следить за тем, чтобы он к моменту выхода на сцену был во вменяемом состоянии. А вот с этим дело обстоит несколько тяжелее, поскольку Дон Москито после определённой дозы выпитого может стремительно отключиться. Однажды мы упустили этот момент и последствия были плачевны – наш поэт просто не смог подняться из-за стола, чтобы дойти до сцены. Это произошло месяц назад в «Балаганчике», куда нам теперь стыдно показываться. Но сегодня всё идёт хорошо, по крайней мере, пока; мы выпили по две кружки пива каждый и заказали ещё. Дон Москито умеренно навеселе, и по выражению его лица можно понять, что требуемое состояние им ещё не достигнуто, но приближение оно уже не за горами.

На сцене сейчас его коллега по цеху, который громко и отчётливо, словно выплёвывая, швыряет в зал строку за строкой. На коллеге надет длинный красный пиджак с фантастических размеров золотыми пуговицами и штаны от спортивного костюма «Adidas». Под пиджаком, видимо, ничего нет, поскольку из глубокого выреза торчат кудрявые рыжие волосы поэта, а в просвете между пуговицами угадывается пупок. Поэт стоит в позе самого известного обладателя жёлтой кофты – широко расставив не слишком длинные ноги и чуть наклонив вперёд квадратную голову; правая его рука душит микрофон, а левая – совершает загадочные ритмические пассы, будто бы её хозяин безуспешно пытается стряхнуть с рукава грязь.

Насколько мне удаётся понять по первым строкам, поэтическое произведение, которое поэт несёт со сцены, представляет собой зарифмованное описание неудачной коммерческой сделки, а его основная мысль умещается в одной фразе, которую поэт, будто песенный припев, повторяет после каждой строфы:

*...бабло упало,
упало мало,
и то, безналом...*

Мне известна эта колоритная личность на сцене, я даже коротко с ней, точнее, с ним, знаком. Это некто Пётр Тарасов, довольно известный в узких кругах рекламщик, и по совместительству поэт-самоучка. Он знаменит тем, что по несколько раз в год публично меняет псевдоним заодно со стилем, в котором творит. Давным-давно, когда мы только с ним познакомились, он был футуристом и представлялся: «Питирим Тарантасов, поэт будущего», потом его качнуло в символизм и он стал Петром Дебелым, затем на короткое время примкнул к новым имажинистам под личиной Тарзана Нарзанова, и вот теперь, если верить объявившему его конференсье, он: «Просто Петька, поэт – универсал».

– Хорошо хоть имя осталось, – легонько толкает меня в бок Дон Москито, – интересно, куда его дальше шарахнет?

– Думаю, этого никто не знает, даже он сам, – сквозь на мгновение закрывший его лицо табачный дым, отвечает Че, – но в каком стиле он сейчас творит? И что это вообще такое, поэт-универсал?

– Возможно, это означает его способность одинаково хорошо зарифмовывать муки истосковавшегося по женскому телу молодого самца и, например, детали финансовых операций, – предполагаю я.

Че смотрит на меня с подозрением, Дон Москито сосредоточенно трёт виски, а Панк Петров расплывается в непонятной по характеру улыбке.

– Ты считаешь, что это хорошо? – спрашивает Дон Москито, мотнув кудрявой головой в сторону сцены.

Я понимаю, что сморозил глупость, похвалив в его присутствии другого стихоложца.

– Ну, я же не сказал, что он пишет хорошие стихи, – оправдываюсь я, – я сказал, что он хорошо рифмуется...

– Это одно и то же, – перебивает меня Панк Петров, – рифмовать и писать стихи, это синонимы.

– Ну, началось... – сокрушается Че.

Поясняю: Панк Петров публично презирает литературу вообще и поэзию в частности, а также тех, кто их обеих создаёт, то есть писателей и поэтов. Он, видите ли, воспринимает только осязаемые виды искусства, то есть живопись, ваяние и архитектуру. Не знаю, с чем связана его странная позиция, в которой, кстати, нет ни капли искренности: Олег много читает, и дома у него прекрасная библиотека. Дону Москито это хорошо известно, но он в сотый раз ведётся на дешёвые провокации.

– Нет, не синонимы! – резко заявляет он, раскрасневшийся от пива и клубной духоты. – «Спасибо нашим поварам – варили свиньям, дали нам» – это зарифмовка, а «Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты...» – это стихи. В них есть душа.

– Не вижу разницы, – отрывая ото рта пустую кружку, небрежно бросает Панк Петров, – а души, между прочим, не существует.

– Души не существует в беременным штангистках, которыми уставлена, не будем говорить чья, мастерская, – наносит ответный удар Дон Москито.

Я еле сдерживаю улыбку: уж больно точно Дон Москито определил внешний вид творений нашего скульптора. А вот Олегу не до смеха, он, похоже, тоже завёлся.

– Да что ты понимаешь в скульптуре, стихоплёт! – шипит он.

Услышав страшное для любого поэта слово, Дон Москито буквально взрывается:

– Ты кого стихоплётком назвал, скульптурщик?

Резкий хлопок ладони об стол заставляет спорщиков замолчать.

– Последний раз говорю вам, придурки, хватит валять дурака! – рявкает Че так, что мы втроём вздрагиваем. – Если не прекратите, оба будете лишены следующей кружки. Миритесь, несчастные!

Противники встают и церемонно пожимают друг другу руки, но у самих в глазах пляшут костры и скачет монгольская конница. Или мне это просто кажется?

В это время поэт-универсал заканчивает выступление, вставляет микрофон в стойку, и под редкие хлопки, широкой пошатывающейся походкой удаляется со сцены. Проходя мимо нашего столика, он приподнимает руку в вялом приветствии, мы отвечаем ему точно такими же.

– Поаплодируем Просто Петьке, – гнусавит подскочивший к оставленному микрофону конферансье, одетый по моде начала прошлого века, – а теперь перед вами выступит мадемуазель Анна из поэтической коммуны «Убийцы Маяковского». Да-с, господа! Именно так-с! Прощу вас, мадемуазель!

Из-за спины конферансье появляется высокая худая девушка, стриженная под Ахматову. Она выше конферансье на полголовы и в два раза тоньше, потому рядом они выглядят весьма комично. У девушки вытянутое лицо с довольно широкими скулами и пронзительные карие глаза; нос с благородной горбинкой, длинные худые руки, и длинные, должно быть, также

худые ноги. Обтягивающее чёрное платье без рукавов выдаёт почти полное отсутствие женских выпуклостей.

Откуда-то сзади слышится:

– Красота страшна...

После смешков с соседнего столика:

– Нос маловат, а так, ничего, похожа...

А девушка, которая, к своему счастью, всего этого не слышит, истерически заломив руки и выпятив вперёд острый подбородок, начинает:

*По улице Газгольдерной,
Он к девушке совсем одной,
Идёт...*

*В его глазах растёгнутых,
Её портрет издёрганный,
Стоит...*

*А сердце серной горною,
По улице Газгольдерной,
Летит...*

*Где девушка совсем одна,
Любви своей, испив до дна,
Лежит...⁴*

Отступив от микрофона на шаг, поэтесса делает паузу, давая понять, что стихотворение окончено. На этот раз из зала не доносятся аплодисментов вообще, только редкие смешки. Девушка, кажется, не обратив на это никакого внимания, вновь подходит к микрофону и принимает позу «для чтения».

Теперь слова вырываются из неё с большим остервенением, чем в первый. Видимо, поэтесса вошла в образ, и не собирается его покидать. Меня всегда восхищали люди, способные вот так преображаться на публике, поэтому я испытываю мгновенный прилив уважения к странной девушке на сцене, который, впрочем, испаряется после фразы: «Офелия ли я...» – больно уж пафосно и ненатурально это звучит. Отворачиваюсь от сцены. Оказывается, друзья это уже сделали, и преспокойно общаются. Из разговора я понимаю, что они вернулись к первоначальной теме, от которой нас отвлёк знакомый нам многоимённый поэт. А обсуждали мы внешний вид Панка Петрова, а точнее, отцветающий «бланш» под его левым глазом, из-за которого, кстати, Олега не хотели пускать в клуб; его спасло лишь дипломатичное вмешательство Че и небольшая взятка администратору.

На резонный вопрос: «Откуда «фонарь»?» наш раненный друг поведал леденящую душу историю о том, как в понедельник на них с Марго напали хулиганы в количестве трёх рыл, и как он всех троих бесстрашно раскидал, получив при этом по репе лишь единожды.

– Один раз раскрылся – и на тебе! Пропустил! – сокрушался он. – Правый прямой. Хорошо, что я удар отлично держу, а то бы кранты...

Немного погодя, то есть после первой, Панк Петров пересказал ту же историю, но в существенно более точных подробностях, чем в первый раз. Неизвестные злодеи теперь обрели вполне ясные очертания: нам стали известны их возраст, черты лиц, детали одежды и даже

⁴ Здесь и далее стихи автора.

имена и клички. Единственное, в чём не был уверен рассказчик, так это в цвете глаз нападавших. Панк Петров также продемонстрировал нам, как кричала Марго, чтобы он пожалел поверженных врагов, отчего соседи справа испуганно вздрогнули. Сейчас, после третьей, Панк Петров рассказывает нам всё сначала:

– А этот четвёртый, видно, боксёр был. Я от него и так, и так, – рассказчик показывает, как именно он ставил «блоки» и уворачивался, задевает при этом локтем свою кружку, но Че подхватывает её в последний момент и приводит в вертикальное положение.

– Четвёртый? – переспрашивает он, вытирая салфеткой руки. – Ты же сказал, что их трое было.

От неожиданности Панк Петров икает баритональным тенором, но быстро приходит в себя и, якобы не заметив, что его застучали, продолжает:

– Слава богу, я в детстве карате занимался, а то бы кранты...

Видимо, для большей убедительности рассказчик, воздев очи к люстре, размашисто крестится.

– Это очень убедительно, осенять себя крестным знаменем, когда ни хрена в бога веришь, – меланхолично язвит Че.

Я улыбаюсь про себя: что верно, то верно – большего безбожника, чем Олег, ещё поискать.

Вообще-то Панк Петров – враль, каких мало. Мы это прекрасно знаем, и потому ничему не удивляемся. Наоборот, киваем, задаём наводящие вопросы, а сами терпеливо ждём, когда у него развяжется язык и он поведаст нам, как же всё было на самом деле. Возможно, это не совсем по-товарищески, зато весело. Тем более что сам рассказчик на это не обижается. По большому счёту, его басни – не вранье вовсе, в привычном понимании слова, а неукротимый полёт фантазии, с которым он просто не в состоянии справиться. Ну не может человек просто сказать, что сходил, например, за хлебом – он непременно поведаст, что в магазине произошло ограбление со стрельбой, или что продавщица ни с того ни с сего устроила стриптиз, или что перед ним в очереди стоял сильно постаревший Элвис Пресли в спецовке дорожного рабочего. С такими данными, как говориться, прямая дорога в писатели, но Панк Петров почему-то выбрал скульптуру. Он даже где-то этому делу учился, кажется, в Суриковке или Строгановке, но по какой-то причине бросил. Чтобы не попасть в армию, наш герой пошёл в Московский Лесотехнический институт, с горем пополам его закончил, и теперь работает озеленителем. Скульптура же осталась у него в ранге хобби, благо жилищные условия позволяют – от дослужившегося до красных лампасов деда ему досталась дача в подмосковной Валентиновке, с примыкающей к дому оранжереей, которую внук приспособил под мастерскую. Там он, собственно, и творит в свободное от основного занятия время. Основным мотивом его творчества, как было сказано, является женское тело. Полностью или частями воссоздаёт он его из доступных материалов: дерева, алебаstra, гипса и какого-то сероватого камня. Моделью чаще всего служит его нынешняя девушка, вышеупомянутая Марго, которую он почему-то скрывает от родителей. Однажды, когда те в очередной раз попросили её им показать, Панк Петров немного подумав, сказал: «Сейчас», удалился в мастерскую, вынес оттуда скульптуру обнажённой размером с пенный огнетушитель и взгромоздил на стол.

Вот такой он у нас, Панк Петров. Единственный и неповторимый.

– Ну, так что там с четвёртым? – осведомляется Че.

– С каким четвёртым? – с деланным непониманием спрашивает Панк Петров и фальшиво кашляет.

– Ну, с тем, что был боксёром, – не без яда уточняет Дон Москито.

– Ах, четвёртый...

– Да, да, четвёртый!

– Тот, что боксёр?

– Он самый, Олж, он самый!

Панк Петров озадаченно чешет сивый затылок. Долго чешет.

– Ну ладно, чёрт с вами, слушайте, – сдаётся он, наконец, – только, чур, не смеяться. И никому ни слова!

Мы показываем жестами, что скорее умрём, чем у нас развяжутся языки. И только после этого Панк Петров рассказывает, что же на самом деле случилось.

А всё, оказывается, было просто. Действительно, в понедельник он провожал Марго домой, но по дороге на них никто и не думал нападать. Панк Петров остался у её на ночь со всеми вытекающими, и когда доставлял ей оральное удовольствие (он так и сказал: «оральное удовольствие»), Марго лягнула его коленом. В самый кульминационный момент. Случайно.

– Прямо в глаз, представляете! – громким шёпотом сообщает нам Панк Петров. – Думал, рассосётся... утром глянул в зеркало, а там – капитанский фонарь...

Приступ хохота буквально валит нас под стол.

– Кончайте ржать, сволочи! – рычит на нас потерпевший.

Только мы и не думаем заканчивать. Слишком уж смешно вышло.

– Пива раненому на эротических фронтах! – сквозь смех кричит Че.

– Два пива! – поддерживает Дон Москито.

– Три! – кричу я.

– Гады, я же просил! – чуть не плачет Панк Петров.

Привлечённая криками, из другого конца зала к нам спешит полная, но весьма подвижная официантка.

Тем временем запас хохота во мне иссякает, и я замолкаю. В голову приходит неприятная мысль о том, что при всей комичности ситуации, Олег всё равно оказался на высоте, по крайней мере, относительно меня, поскольку у него *есть* кому доставлять оральное удовольствие, хотя бы и с такими последствиями. Внезапно мне становится грустно, как бывает, когда ты слегка пьян, и чтобы разбавить эту грусть, я припадаю к недопитой кружке.

– Клиент созрел, – тихо говорит мне Че, мотнув головой в сторону Дона Москито.

Смотрю на нашего друга, и действительно: клиент, то есть Дон Москито, и правда созрел – судя по блуждающей по его физиономии странноватой улыбке, он уже прилично пьян. «Как же мало ему надо, – думаю я, – три кружки всего».

– Коль, – обращаюсь я к Дону Москито, – а не пора ли нам прикоснуться к истинной поэзии?

Панк Петров снова громко икает, затем открывает рот, чтобы что-то сказать, но Че так выразительно на него зыркает, что тот захлопывает рот ладонями и зачем-то зажмуривает глаза.

– Я ещё не готов, – после паузы отвечает Дон Москито, – я бы выпил ещё... чего-нибудь покрепче... и в бой...

Я поворачиваюсь к Че, но тот делает успокаивающий жест рукой: мол, всё в порядке.

– Девушка! – щёлкает пальцами он. – А водочки можно нам?

Услышав заветное слово, официантка, которая до этого скучала у барной стойки, срывается с места и спешит к нам с подносом в руке, на котором стоит пузатый графинчик о четырёх рюмках. Вообще-то я не собирался сегодня пить водку, поскольку не очень приветствую так называемое «смешение жанров», короче говоря, не люблю ершиться, но чего не сделаешь ради друзей.

Графинчик перекачывает с подноса на стол. Че, отблагодарив официантку улыбкой, начинает разливать.

– Что-то как-то очень быстро принесли, тебе не кажется? – спрашивает Панк Петров.

– Чему ты удивляешься, они на водке самые большие деньги делают, – отвечает Че, – графинчик-то, небось, о-го-го сколько стоит!

Я прикладываю ладонь к графину:

– Ледяной. И рюмки, видимо, тоже.

– Да, их в морозилке держат, я видел, – кивает Че, – это чтобы не заметили сивухи. Водка-то наверняка палёная.

Его слова заставляют меня поморщиться:

– Давайте не будем о грустном, вечер только начался. За что, кстати, пьём?

– За нас в искусстве! – бодро заявляет Панк Петров.

– Может, лучше за искусство в нас? – несмело предлагает Дон Москито.

– Давайте, просто за нас, – Че поднимается, держа на вытянутой руке рюмку, – мы лучшее, что есть за этим столом!

– Принимается, – говорю я, вставая.

– Не люблю пить стоя, вы же знаете, – ворчит Панк Петров, но тоже встаёт.

– Нескромно, ну и ладно... – Дон Москито присоединяется к компании, возвышаясь над нами, он среди нас самый длинный. – Сам себя не похвалишь...

Мы дружно чокаемся, и хотя желаемого звона наши рюмки не производят, на мгновение в окрестности нашего стола образуется атмосфера праздника, ради которой и затеваются все новые годы, дни рождения, юбилеи и просто рядовые пьянки. Ледяная водка пьётся легко, хотя в ней чувствуется нехороший привкус – Че был прав, она действительно палёная.

– Ну, я готов, – говорит Дон Москито, с характерным звуком ставя на стол пустую рюмку.

– Тогда иди, поэт! – хором отвечаем ему мы. Это уже своего рода традиция.

Дон Москито делает знак рукой подзаснувшему на сцене конферансье. Получив от того подтверждение в виде утвердительных кивков, он выходит из-за стола и направляется к сцене бодрым, почти строевым шагом, что внушает нам некоторую уверенность в том, что в этот раз всё обойдётся. На ходу Дон Москито извлекает из одного кармана листок с текстом и очки из другого.

– А теперь-с, – переходя на фальцет, объявляет подскочивший к микрофону конферансье, – вы будете иметь удовольствие прослушать новое сочинение нашего дорогого гостя, поэта, чьи произведения не раз и не два звучали в этом зале. Поприветствуем знаменитого Николая Комарова!

Из зала, а точнее, из-за нашего столика, доносятся энергичные аплодисменты и одобрительные возгласы. Объявленный подходит к микрофону и жестом просит нас помолчать. Мы подчиняемся и принимаем, наконец, сидячее положение. Лично я с удовольствием плюхаюсь на стул и вытягиваю под столом ноги. Дон Москито в это время безо всякого вступления начинает:

Мне тут моя закатила истерику:

«Мол, всё надоело, хочу в Америку!»

«На кой ляд, – говорю, – ты там сдалась?»

А она мне с размаху по морде – хрясь!

Я ей: «Давай лучше в Питер на майские!»

Она ни в какую, коза валдайская!

«Тогда, может, с друзьями на дачу?»

«Гопники, – говорит, – твои друзья, и алкаши в придачу!»

«Что бы это могло значить?» – думаю я, переваривая смысл услышанного. Додумать мысль мне не удаётся, поскольку мой взгляд, который был прикован к читающему Дону Мос-

кито, вдруг сам собой фокусируется на девушке, сидящей за столиком между нами и сценой. Оказывается, она смотрит, и, вероятно, смотрела раньше, в мою сторону. Наши взгляды встречаются, но девушка не отводит глаз, напротив, продолжает смотреть, чуть повернув голову влево, видимо, демонстрируя свой самый выгодный ракурс.

Честно скажу, в таких случаях я всегда чувствую себя неловко – не могу спокойно выдержать женский взгляд, особенно такой. Может, какие наглые красавцы на это и способны, но только не я. Поэтому после нескольких секунд гляделок я отвожу взгляд в сторону, то есть на Дона Москито.

Со сцены доносится:

*Вот так и живём – ни друзья, ни враги,
Я ей: «Люблю!»; Она: «Купи сапоги!»
Ведь женщина – очень капризный предмет:
Кончились деньги – её сразу нет.*

– Последнюю фразу я бы приказал высечь в камне, – шепчет мне на ухо Че.

Машинально киваю в ответ, а у самого не выходит из головы та, что с полминуты назад активно на меня тарасилась. Бросаю якобы случайный взгляд в её сторону, но она занята разговором с тем, кто сидит рядом, и мне виден сейчас только её затылок.

«Может, она меня с кем-то спутала? – думаю я. – Или с одеждой что-нибудь не так?»

Критически осматриваю себя, и, ничего странного не обнаружив, снова смотрю на девушку, теперь всем телом повернувшись к сцене. В это время Дона Москито, сделав довольно длинную для декламации стихов паузу, неожиданно резко повышает тон:

*Без неё не могу, а с нею – никак!
На сердце камень, в душе – бардак!
Я знаю, есть средство, как мир простое:
В петлю тот камень, на шею и в море...*

«Что же ей всё-таки от меня было нужно? – вертится в голове. – И с чего это Коля так разорался?»

– Серёж, тебе никого не напоминает вон та девушка в сером свитере? – спрашиваю я Че, взглядом показав, кого я имею в виду.

– За тем столиком? – уточняет он, мотнув головой в её сторону.

– Угу, – подтверждаю я.

Че близоруко щурится и смешно вытягивает тощую шею из воротника рубашки в направлении объекта исследования.

– Не-а, – заключает он, – первый раз вижу. Только, знаешь, это ни фи́га не свитер, а вязаное платье. А почему ты, собственно...

Нас прерывают аплодисменты. Не жидкие хлопочки, сделанные из вежливости, а самые настоящие рукоплескания со свистом и топотом. Бросаю взгляд на сцену и – о ужас! – там, всё ещё сжимая в правой руке микрофон, а в левой – листок с бессмертными стихами, с опешившего конферансье мокрым комбинезоном свисает наш поэт.

Мы с Че вскакиваем с мест и что есть сил рвём на сцену. В три прыжка достигаем места крушения, хватаем нашего опавшего друга под руки и, словно раненого, уносим со сцены. К счастью, Дон Москито не сопротивляется, он лишь вяло сучит ногами по полу и что-то бормочет – видимо, ту часть своей мини-поэмы, которую не успел дочитать. Шум в зале, между тем, не утихает, напротив, становится громче.

– Уважаемый, успокойте народ! – шипит Че в сторону конференсье, который увязался за нами.

– Не могу-с! – отзывается из-за моей спины тот. – Не в силах-с! Вот сюда, пожалуйста, в уборную-с!

Проблема в том, что уборная-с находится в противоположном конце помещения, и чтобы в неё попасть, нам нужно протащить Дона Москито через весь зал.

Трудно передать, что творится за столиками. Издевательские аплодисменты – это полбеды, каждый, то есть, абсолютно каждый считает своим долгом крикнуть в наш адрес что-нибудь обидное. «Не вынесла душа поэта», «Сгорел на работе», «Опал, как озимый», «Обожратушки – перепрятушки» и тому подобное – всё это приходится нам выслушивать, пока мы совершаем проход по залу.

– Вот ведь гады, – говорю я на ходу, – ничего святого нет. Ну, напился человек, ну вырубился, чего орать-то?

– Они хотели зрелища, – бурчит Че, – они его получили, теперь наслаждаются. Подобные случаи лучше всего обнажают зловонные стороны гнилых душ.

– Да, вы, батенька, тоже поэт! – пытаюсь острить я, как всегда неуместно.

– Ты-то хоть помолчи! – огрызается он. – Без тебя тошно. Это я во всём виноват, не надо было водки ему давать! Теперь нас и сюда перестанут пускать...

– На сцену – это уж точно-с! – снова подаёт голос конференсье. – А в зал, пожалуйста! Бухайте-с!

– Вот ведь козёл, – говорю я негромко, но так, чтобы тот расслышал.

Наконец добираемся до вожделенного сортира. К счастью, он свободен – об этом позаботился Панк Петров, убедивший мужика в очереди пропустить нас вперёд.

– Только давайте, недолго, – говорит тот, – а то я ноги ошпарю.

Заносим тело в небольшую квадратную комнату с узким оконцем, из которого виден освещённый фонарём кусочек улицы Герцена, в смысле Большой Никитской. Че наклоняет поэта над раковиной, Панк Петров открывает кран, из которого после серии неприличных звуков на склонённую голову обрушивается ледяной водопад, и пшеничные кудри Дона Москито, которыми тот так гордится, мигом превращаются в мокрые крысиные хвостики.

Реанимация протекает успешно. Не проходит и минуты, как Николай начинает оживать – мотать головой и вяло материться, ещё через минуту он уже пытается вырваться и брыкается правой ногой, но друзья крепко удерживают его голову под краном. Неожиданно я замечаю, что в туалете оказывается невероятно тесно, он явно не рассчитан на одновременное присутствие четверых крупных мужчин.

– Думаю, я тут лишний, – говорю я.

– Да, иди за стол, последи за вещами, – не оборачиваясь, бросает мне Че, – не хватало ещё, чтобы у кого-нибудь шапку спёрли.

Выхожу из туалета с перекошенным от злости лицом, но, сделав всего пару шагов, меняю его на беззаботное – пусть думают, что мне тоже весело. Пробираюсь между столиками на место, но никто не смотрит в мою сторону – видимо, уже забыли. Около нашего нос к носу сталкиваюсь с девушкой, которой несколько минут назад проиграл в гляделки. Она, оказывается, почти с меня ростом и довольно широка в плечах, для девушки, разумеется. На её лице озабоченность.

– С вашим другом всё в порядке? – спрашивает она.

– Да, спасибо, – отвечаю я, – он просто перебрал.

– Видимо, не просто, раз так упал?

– Ну, не так уж он сильно и упал... и потом, быстро поднятый поэт упавшим не считается...

Улыбаюсь, чтобы обозначить шутку, но девушка не реагирует. Наступает неловкая пауза.

– Татьяна, – девушка довольно резко протягивает мне руку.

Слегка пожимаю прохладную ладонь:

– Валерий, можно Лерик.

– Лерик, как мило. А это, – Татьяна показывает отогнутым большим пальцем себе за спину, – Аня.

Из-за её спины появляется девица с густо накрашенным, но совершенно детским личиком, в которой я узнаю ту самую «Ахматову», то есть мадемуазель Анну. Она тоже подаёт мне руку, только, скорее, для поцелуя, нежели для рукопожатия. Мне не остаётся ничего другого, как, слегка нагнувшись, приложиться к ней губами.

– Так это вы – убийца Маяковского? – спрашиваю я, выпрямившись.

– Одна из, – отвечает мадемуазель Анна, – нас много.

– И чем же, простите, вам не угодил Владимир Владимирович?

– Он убил русскую поэзию, и за это мы должны убить его.

– Но он ведь уже, – быстро произвожу расчёт в уме, – шестьдесят восемь лет как мёртв.

На Анином скуластом лице появляется странное выражение – смесь гнева и удивления.

– Это, безусловно, делает вам честь, – медленно и отчётливо произносит она, – что вы знаете официальную дату кончины Маяковского, но на самом деле он ещё жив.

Трудно описать то, что происходит в моей голове.

– И сколько ему стукнуло? – должно быть, несколько эмоционально осведомляюсь я. – Пардон, запамятовал, когда Владимир Владимирович уродился.

– Не в прямом смысле, конечно, жив, – оговаривается Аня, – физически он, разумеется, мёртв. Его застрелила Вероника Полонская, но дух его мечется над нашей родиной, находя пристанища в неокрепших поэтических душах, например, в душе вашего друга. Наша задача – изгнать его оттуда...

– Ладно тебе, перестань, – перебивает её Татьяна, – может, лучше сядем?

Бегло осмотрев наши шмотки на предмет пропажи чего-либо, я принимаю приглашение, и вместе со стулом и недопитой кружкой перемещаюсь за столик к девушкам, на котором вижу два конусообразных бокала и тарелочку с орешками. Перехватив мой взгляд, Аня выдаёт:

– Абсент здесь не наливают. Наверное, поэтому тут читают такие дерьмовые стихи.

– Абсент? – не понимаю я.

– Напиток поэтов, – поясняет Татьяна.

– Ах да, «Зелёная фея»! Читали, читали... Только мне как-то ближе напиток не поэтов, а варваров.

– От абсента – стихи, а от пива – бодун и очередь в сортир, – презрительно роняет Анна.

И хотя её слова мне не особенно приятны, по сути, она права – очередь туда, откуда я только что вернулся, вызвана именно им.

– Как бы там ни было, – говорю я, поднимая кружку, – за наше случайное знакомство!

Девушки тоже поднимают бокалы и благосклонно со мной чокаются.

– А вы, Валерий, имеете какое-нибудь отношение к литературе? – спрашивает Аня, ловко закидывая в рот пару орешков.

– В некотором роде, – отвечаю я, – аз есмь писатель. Пишу роман.

– Тогда вам надо пить водку.

– А лучше всего, кальвадос, – поддакивает Татьяна, – без закуси.

– Не, кальвадос нельзя, – мотаю я головой из стороны в сторону, – «Триумфальная арка» получится.

Моя фраза почему-то вызывает у девушек необъяснимый восторг. Обе, как по команде, заливаются звонким, таким школьным смехом.

– Не получится! – сквозь него говорит Татьяна.

Я киваю в ответ: мол, понятное дело, не получится – какой из меня Ремарк. Наши с Татьяной взгляды встречаются, и в этот момент в моей голове проносится мысль о том, что передо мной сейчас не просто девушка, а «та самая», о которой я думал вчера на кухне.

«Так вот же она, – стучит у меня в голове, – вот она! Она! Она! Она...»

А девушка эта смотрит на меня с любопытством и хитринкой, которая так привлекает; во взгляде её – смесь кокетства, задора и интереса, будто она меня дразнит и одновременно изучает. Но я держусь, не отвожу взгляда от её серых, самую капельку раскосых глаз, в которых отражается огонёк коптящей на столе свечи, словно кто-то невидимый могучей пятерней держит меня за затылок, не давая малодушно уронить глаза в стол или отвернуться.

Откуда-то извне до меня доносится высокий Анин голос:

– Эй, про меня не забыли?

– Ну как про тебя забудешь! – на выдохе произносит Татьяна, и второй раунд гляделок заканчивается. Вничью.

Я прикладываюсь к кружке и делаю большой, должно быть, самый большой за сегодня, глоток. Затем ставлю кружку на стол и закуриваю. В голове творится что-то странное.

Появляется реанимационная бригада, мои друзья. Первым идёт Че, за ним, чуть пошатываясь, прилизанный мокрой пятерней Дон Москито, замыкает процессию чему-то улыбающийся Панк Петров. Все трое подходят к нашему столику.

– Я смотрю, ты времени даром не терял! – воодушевлённо произносит Че. – Не представишь нас дамам?

– Разумеется. – Я встаю. – Так, по порядку: Сергей, Николай, Олег. Они же: Че, Дон Москито и Панк Петров. А это, – показываю на девушек, – Анна и Татьяна.

Девушки синхронно кланяются, что выходит у них очень мило.

– Ну, с Анной мы все знакомы, – льстиво говорит Че, – прекрасные стихи.

– Спасибо, – кивает Анна, – не искренне, но, всё равно, спасибо.

Че пропускает её слова мимо ушей и делает небольшой шагок в сторону Татьяны.

– А вас я вижу впервые. Тоже пишете?

– Н-е-ет, – отвечает Татьяна с ухмылкой, – упаси бог. Моё отношение к поэзии ограничивается дружбой с поэтессами.

– И поэтами, – вставляет Аня.

– Ну, не без этого, – пожимает плечами Татьяна, – мне нравятся мужчины со странно-стями.

– Со странностями? Это ко мне! – восклицает Че, хватая свой стул и оказывается между нашими новыми знакомыми, причём ближе к Татьяне, от чего я испытываю несильный, но достаточно чувствительный укол ревности.

– Так, и в чём же странность? – по-медицински интересуется Татьяна, – Сергей, правильно?

– Да, в общем-то... – начинает Че.

– Серёжа у нас актёр, – встречаю я, – играет в театре.

– Надеюсь, не в анатомическом? – уточняет Анна.

– Нет, он лицедействует на четверть ставки в театре в прошлом красной, а теперь трёхцветной армии.

– Разрешите представиться: король массовки, – Че привстаёт и, махая русой чёлкой, словно поп кропилком, картинно кланяется по очереди вправо и влево, Татьяне и Анне. Девушки хихикают, а я переживаю второй, гораздо более ощутимый укол ревности.

– А вот этот молодой человек с боевой раскраской, которую заработал, защищая свою барышню от хулиганов – скульптор, – не давая девушкам сосредоточиться на Че, – говорю я, – ваяет, в основном, обнажённых дам, так что если хотите быть увековечены в мраморе или граните, милости прошу в натурщицы.

– Ну, насчёт мрамора ты загнул, и, тем более, насчёт гранита, – отзывается, закуривший одну из своих длиннющих сигарилл, Панк Петров, – я работаю в основном с песчаником, туфом, иногда с гипсом... а насчёт природы, это да, всегда, пожалуйста. Моя студия к вашим услугам.

Девушки молча переглядываются. Че смотрит на меня с плохо скрываемым удивлением, я же отвечаю на его взгляд страшными глазами, в которых аршинными буквами написано: «Уйди, я её первый увидел!»

– Что же до нашего четвёртого друга, – показываю рукой на Дона Москито, – то, как вы уже догадались, он – поэт.

– Да, мы догадались, – кивает головой Татьяна.

– Слышали, – подтверждает Анна, – и видели.

– От лица компании прошу его извинить, – мёртвым голосом произносит Че, – он сегодня немного не в форме. Перебрал-с. Обычно Коля себе такого не позволяет, но сегодня, видимо, что-то не так на небосводе.

Услышав своё имя, Дон Москито поднимает на нас мутный, полный страданий взгляд, но уже через пару секунд его мокрая голова поникшим бутонем снова свисает с плеч. Девушки, чуть скривив лица, отворачиваются.

– Судя по содержанию его стихов, – на вдохе сообщает Анна, – у него личная драма. Возможно, в этом причина.

– Очень даже может быть, – соглашается Че, – он у нас нежный. Не мужчина, а облако в штанах.

Анна мечет на него негодующий взгляд, на что мы с Татьяной, предварительно переглянувшись, реагируем улыбками.

– Не вижу ничего смешного! – фыркает Анна.

– Я что-то не так сказал? – удивляется Че.

– Анна считает, что Маяковский убил русскую поэзию, – поясню я, – и поэтому ненавидит всё, что с ним связано.

– Не совсем так, – чуть успокоившись, произносит Анна, – но, по сути, верно.

– Простите великодушно. – Че прикладывает сложенные руки к груди. – Не знал, что это для вас так важно. Чем я могу искупить свою бестактность?

– Разве что смертью, – сощурился до щёлочек, сообщает Анна после секундного раздумья. – Скажите, а в театре, где вы служите, ставят Маяковского?

– Это «Клопа», что ли? – уточняет Че. – Или эту, как её, «Баню»?

– Не только, – кивает Анна, – ещё бывают спектакли по мотивам его поэм.

Че сосредоточенно трёт лоб.

– Нет, ничего такого у нас не ставят. Раньше, может быть, но не теперь. Сейчас идут: «Мария Стюарт», «Гамлет», «На бойком месте» и «Мастер и Маргарита». Я в нём, кстати, задействован...

– «Мастер и Маргарита»? – в унисон спрашивают девушки.

Видимо, почувствовав интерес к себе, Че принимает академическую позу.

– Да, да, я знаю, спектакль очень сложный, – с апломбом вещает он, – но в нашем театре ставили и не такое. Может быть, вы слышали, в восьмидесятые был такой спектакль...

Анна перебивает его.

– А кто играет Маргариту?

– Воробьёва, – удивлённо отвечает Че, – Гиена, в смысле, Елена Львовна. А что?

– Эта та, которая в «Гусар-девице», что ли играла? – спрашивает Татьяна.

– Она, – кивает головой Че.

– Так ей же сто лет в среду! – кричит Анна. – Какая из неё Маргарита?

Че разводит руками:

– Какая есть. У нас говорят: «Возраст для актрисы не главное, главное, чтобы её муж был директором театра».

Девушки задорно смеются, а вот мне не до смеха. Ревность тонюсенькой, но чертовски острой шпажкой колет меня под ребра слева после каждой удачной реплики Че, который подводит свой спич про театр к логическому завершению.

– Кстати, если у вас есть желание лицезреть госпожу Титову в образе Маргариты Николаевны, – вкрадчиво начинает он, – а заодно и вашего покорного слугу в роли третьего легионера в пятом ряду, буду счастлив устроить вам контрамарки.

Девушки снова переглядываются. По выражению их лиц я пытаюсь понять, какова будет реакция на предложение Че, что у меня, разумеется, не получается.

– Мы на секундочку вас покинем, – объявляет Татьяна, делая глазами знак Анне.

– Да, надо припудрить носик, – откликается та. – Мы быстро.

Девушки встают и, взяв сумочки, направляются в сторону уборной. Мы провожаем взглядами их удаляющиеся тылы. Девушки движутся строем «пеленг», давая нам возможность всё внимательно рассмотреть и сравнить. После того, как они выходят из нашего поля зрения, Панк Петров также отбывает в, как он выразился: «тронный зал», оставляя нас с Че наедине. Чуть тёплый Дон Москито не в счёт.

– Ну и чего ты завёлся? – вопрошает Че после долгого и неудобного молчания.

– Ревность, – отвечаю я, чувствуя приливающую к лицу кровь.

– Понятно, – кивает головой он, – запал, что ли?

– Ещё не знаю, – честно признаюсь я, – просто, понимаешь...

Че делает снисходительный жест рукой:

– Валер, это называется: «чувство собственника».

Он абсолютно прав, и от понимания этого мне становится ещё гаже.

– Называй, как знаешь, – бурчу я в ответ.

Че только пожимает плечами: мол, всё равно.

Напряжённое молчание продолжается. Смотрю на дверь женской уборной, в надежде, что та распахнётся и явит наших новых знакомиц, но та остаётся закрытой. Проходит ещё некоторое время в молчании.

– Интересно, чего они так долго? – наконец, не выдерживаю я.

– Надо полагать, общаются, – невозмутимо отвечает Че.

– Интересно, о чём?

– О нас, скорее всего. Распределяют цели.

– Может, и мы с тобой распределим?

Че смотрит на меня с неподдельным удивлением.

– Да не нужна она мне тысячу лет! И прекрати вести себя, как идиот, ладно?

Киваю в знак согласия. Я не верю тому, что он говорит, но правду выяснять не хочется.

Через минуту возвращается помрачневший Панк Петров.

– Где бабы? – спрашивает он, зевая.

– Ещё не вернулись, – отвечает Че.

– Понятно, а вы чего такие кислые?

– Цели распределяли, – поясняю я.

Лицо Петрова вытягивается:

– А мне-е-е-е?

– У тебя рука в этом самом... – говорит Че совершенно серьёзно, – давайте решать, что будем делать с Колей.

Смотрю на Дона Москито, и понимаю, что он совсем плох, и с ним действительно надо что-то делать. Раньше он достаточно уверенно держался в седле, то есть на стуле, теперь же это

получается у него совсем плохо – он вот-вот завалится на бок. Только поддержка подошедшего Панка Петрова спасает его от второго за сегодняшний день падения.

– Да, надо бы его на воздух, – заключает Че.

– Может, лучше сразу домой? – предлагает Панк Петров, с трудом удерживающий Дона Москито в состоянии неустойчивого равновесия.

– Согласен, – говорю я, – кто его повезёт?

– Один не справлюсь, – стонет Панк Петров, – он тяж-ж-жёлый.

– Если уходить, то всем, – подытоживает Че, – возьмём вскладчину мотор.

Я соглашаюсь, хотя такой исход дела для меня не особо выгоден – Татьяна будет для меня наверняка безвозвратно потеряна, хоть и не достанется никому из нас. В смысле, нас с Че. «Бесприданница», блин.

– Тогда давайте расплатимся, – говорю я, сжигая, таким образом, за собой мосты.

Че высоко поднятой рукой подзывает официантку. Та появляется довольно быстро с кислой миной на лице и какой-то тряпкой в руках.

– Девушка, посчитайте нас, пожалуйста, – произносит он, улыбаясь. – И, если можно, побыстрее.

– Оба столика вместе? – уточняет подобревшая «девушка».

Мы переглядываемся.

– Да, сделайте общий счёт, – уверенно заявляет Че, и, обращаясь к нам: – Сделаем девушкам приятное.

– Ты уверен? – осторожно интересуется Панк Петров, когда официантка, лихо вильнув кормой прямо перед нашими физиономиями, уходит. – Может, они до этого «Курвуазье» пили?

– Честно говоря, я ни в чём не уверен, но, как говорится, кто не рискует... да и «Курвуазье» тут не подадут.

Возвращается официантка со счётом. Че берет небольшую кожаную книжечку и с умным видом изучает содержимое. Мы с Панком Петровым замираем в ожидании.

– А девушки, оказывается, на диете, – объявляет Че, – два Мартини и пакетик арахиса.

Панк Петров облегчённо выдыхает.

– Джентльмены, с нас тысяча сто рупий за всё, из чего следует, что с носа примерно по триста. За Колю, так и быть, плачу я.

Мы лезем за бумажниками и отсчитываем требуемую сумму. Че вкладывает всё вместе в книжечку, и, подумав немного, добавляет ещё.

– На чай, – поясняет он.

Официантка забирает счёт ровно за секунду до того, как на горизонте появляются девушки. Татьяна идёт впереди, Анна следом. Мы поднимаемся.

– Дамы, ваше общество прекрасно, но долг зовёт, – говорит Че, когда те подходят.

– Что-то случилось? – спрашивает Анна.

– Ничего страшного, – отвечает он, – просто Колю нужно везти домой.

– Благородно, – говорит Татьяна.

– Да, очень, – поддакивает Анна, – нажравшихся друзей надо выручать.

Мы пожимаем плечами, мол, ничего не поделаешь.

– Тогда, до свидания, Лерик, – с грустью в голосе говорит Татьяна и протягивает мне ладонь.

Во второй раз за вечер прикасаюсь к её руке и вдруг чувствую, как мне в ладонь ложится что-то плоское и квадратное. Смотрю на Татьяну и вижу в её глазах знакомый лукавый блеск.

– До свидания, мадемуазель, – картинно раскланиваюсь я и сую то, что получил, в карман.

«Хач-мобиль» подъезжает к тому месту, где мы стоим, кажется, даже раньше, чем Че поднимает руку.

– Новогвинеево⁵, двести, – заявляет он голове лица кавказской национальности, высу-
нувшей из опущенного окна.

– Куда в Новогвинеево? – уточняет голова.

– Улица Молостовых.

– Двэсти пэтдэсят.

Че утвердительно машет рукой, и с сарайным скрипом открывает пассажирскую дверь «Хач-мобиля». Мы втроём садимся сзади. Первым залазит Панк Петров, затем мы общими усилиями заносим внутрь Дона Москито, а уже после залезаю я.

В машине жарко. Пахнет табачным дымом и освежителем воздуха. Дон Москито почти сразу роняет голову мне на плечо и, кажется, засыпает.

– Пеэрэбрал да? – спрашивает повернувшаяся к нам голова лица.

– Есть немного, – отвечаю я, с трудом поборов желание скопировать акцент.

– Блэвать нэ будэт?

– Не должен, – заверяет Панк Петров, предварительно осмотрев Дона Москито, – но мы проследим.

Удовлетворённая ответом, голова отворачивается.

Сделав разворот на пяточке, «Хач-мобиль» выруливает на улицу Герцена, которая теперь Большая Никитская, затем на Моховую, где сразу же уходит в левый ряд.

За окном начинает мелькать замёрзшая и грязная Москва.

– Курить можно? – опережает меня вопросом Панк Петров.

– Курыте, пацаны, – отвечает голова.

Закуриваем. В машине становится совершенно нечем дышать, и Панк Петров опускает стекло со своей стороны, а я со своей. Холодный ветер хлещет меня по щёкам, немного отрезв-
ляя.

Терпение лопается, когда мы выезжаем на шоссе Энтузиастов. Запускаю руку в карман и достаю оттуда то, что мне всучила Татьяна – сложенный вчетверо листок. Аккуратно, чтобы никто не видел, разворачиваю: семизначный номер и подпись «Т. А.»

Смотрю в окно на ночную Москву, которая, оказывается, так прекрасна.

⁵ Обиходное название района «Новогиреево»

3

Утро понедельника. Весь наличный состав фирмы «Регейн» стоит перед большим зеркалом, в которое обычно смотрятся клиенты. На каждом из нас надеты оправы из недавно полученной детской коллекции нашего любимого испанского поставщика. Маленькие и разноцветные, они выглядят на наших широких лицах до того комично, что выдержать такое зрелище, не рассмеявшись, под силу не каждому.

Это развлечение, которое по аналогии с известной японской игрой называется «Каменное лицо», придумал сам Востоков, когда мы однажды всей фирмой примеряли свежеполученные оправы. Правила просты: можно вытворять всё, что угодно, чтобы рассмешить соперника, единственное условие – делать это молча. Проигравшим считается тот, кто первый «расколется»: засмеётся или просто не сможет сдержать улыбки. В качестве наказания несчастный покусает всей фирме обед.

Идёт вторая или третья минута поединка, но победитель не только не выявлен, нет даже ярко выраженного лидера. Все, включая вашего покорного слугу, держат невероятный серьёз. И тогда Востоков пускает в ход до сего момента никем не применённое оружие: для отвлечения нашего внимания он закладывает на лице страдальческую мину, а в это время сам тихонько расстёгивает штаны. Щелкает застёжка ремня, и его брюки стремительно падают на пол, обнажая тощие кривоватые ноги, местами покрытые пегой растительностью. От неожиданности мы втроём – Климов, Розов и я – синхронно «раскалываемся». Нас складывает пополам и начинает трясти. В этот момент дверь в шоу-рум приоткрывается и внутрь просовывается удивлённая Зоина физиономия. На ней сменяется несколько совершенно разных выражений, пока Зоя, кажется, совершенно искренне ни произносит следующее:

– Господи, Игорь, какой ты худой!

Всю эту сцену я наблюдаю уже с пола, поскольку находиться в вертикальном положении невозможно. Хохот, который уложил меня на пол, теперь заставляет биться в конвульсиях. Примерно то же творится с коммерческим и техническим директорами, которые корчатся по обе стороны от меня. Один Востоков на коне. Как ни в чём не бывало, он продолжает беседовать с Зоей.

– Видишь ли, Зоя, – продолжает он, не снимая очков и не подтянув брюк, – я искренне полагаю, что именно смех сделал из обезьяны человека, а не труд, как считал Энгельс. Поэтому то, что ты сейчас наблюдаешь, есть не что иное, как болезненное превращение офисных павианов в *homo sapiens*.

Зоя недовольно фыркает:

– И для этого ты снял штаны?

Игорь расплывается в улыбке:

– Эволюция, Зоя, требует жертв.

Так и не поняв юмора, и, видимо, забыв, зачем приходила, Зоя задним ходом покидает шоу-рум.

К этому моменту нас потихонечку отпускает. Помогая друг другу, мы с трудом поднимаемся с пола. Тяжелее всего пришлось, по-видимому, Игорю номер два – его ещё потряхивает; лицо, как помидор, красное, в глазах слёзы. Мы с Олегом тоже хороши, но до Игоря нам далеко.

– Вот ведь засранец! – только и может выговорить тот, имея в виду Востокова.

А надменный победитель с сигаретой в одной руке и зажигалкой в другой уже сидит, нога на ногу, на краешке своего стола.

– Ну что, несчастные, – победоносно объявляет он, закуривая, – я бы с удовольствием отобедал. Разумеется, если вы не против.

– Что предпочитает в это время суток ваше генеральское директорство? – спрашивает, подскочивший к нему Розов, принимая лакейскую позу.

Игорь начинает загибать пальцы.

– На первое – суп из Галапагосской черепахи, на второе – слоновьи уши с трюфелями, на третье – кофе «Лювак» и печёные Гесперидовы яблоки на десерт.

– К сожалению, могу предложить только быстрорастворимую лапшу «Китайский мальчик», пирожки с мясом инопланетянина и чай «Липкий», – не меняя позы, произносит Розов, – да, и ватрушка на десерт, от которой меня вчера пронесло.

– Меня тоже, – из-за угла подтверждает Климов.

Востоков делает презрительный жест рукой:

– Подите прочь, болваны! Несите, что есть!

Идти за едой приходится мне, поскольку я самый младший. Меня просто снаряжают деньгами и задают направляющий косинус.

Еду в нашем здании можно купить только в одном месте – в стеклянном ларьке на первом этаже, рядом с будкой охраны. Там-то и продаётся чудесная и необыкновенно полезная быстрорастворимая лапша, на упаковке которой изображён маленький улыбающийся китаец, из-за чего, собственно, она и получила своё название. Ещё в ларьке можно купить нехитрую и не всегда свежую выпечку, чай в пакетиках, растворимый кофе и сахар. Несмотря на ущербность ассортимента, ларёк процветает – в обеденный час туда всегда выстраивается очередь. Причина проста: у данного предприятия нет конкурентов, ни в нашем здании, ни в соседних. Невидимая рука рынка по какой-то причине ещё не дотянулась до «Гипромедтехники» и окрестностей. Так что у нас нет выбора, а идти по морозу до «Калужской заставы» или в какой-нибудь ресторан на улице Намёткина, откровенно говоря, лень.

Сегодняшний день – не исключение. От ларька тянется приличный хвост из голодных офисных служащих. Некоторых из них я знаю, в основном, по этой очереди, с некоторыми знаком по работе. А вот продавщица новенькая, я её ещё не видел. Из вежливости спросив, кто последний, пристраиваюсь в конец.

От нечего делать смотрю на продавщицу, рассчитывающую парня с третьего этажа, кажется, Сергея. В профиль она похожа на Изабеллу Росселин из «Синего бархата». Приятная женщина. Не красавица, но приятная. Вот и продавщицу красавицей не назовёшь, но что-то в ней такое есть... и тут я вспоминаю, что так не позвонил по телефону, который мне дала Татьяна.

«Неужели потерял?» – с ужасом думаю я, запуская руки в карманы.

К счастью, поиски длятся недолго – сложенный вчетверо листок довольно скоро обнаруживается в заднем кармане брюк. Достая его, и, чтобы убедиться, что это тот самый, а не какой-то ещё, раскрываю...

– Чего, деньги забыл? – слышу из-за спины.

Машинально прячу листок обратно в карман и оборачиваюсь. Оказывается, за мной стоит наш конкурент, хозяин фирмы «Оптика Тайдзо», некто Эдуард, которого у нас почему-то называют «похотливым». На нём фиолетовый пиджак, белая с отливом рубашка, и жёлтый галстук, покрытый замысловатым орнаментом.

– Нет, – медленно приходя в себя от увиденного, отвечаю я, – показалось, что потерял список того, что надо купить.

– По-ня-т-но, – нараспев говорит Эдуард, – а то могу одолжить, для конкурентов ничего не жалко.

С этими словами он выуживает из кармана перехваченную резинкой пачку «зелёных».

– Спасибо, не надо, – вложив всё имеющееся у меня безразличие во взгляд на пачку, отвечаю я, а сам думаю: «Вот ведь козел! Хлебом не корми – дай повыпендриваться».

Но Эдуард, к счастью, мысли читать не умеет. Довольный собой, он улыбается.

– О'кей, мистер, – говорит он с нижегородским прононсом, – тогда привет Игорям.

Кивнув в знак понимания, отворачиваюсь от щедрого конкурента и снова достаю листок. Открываю.

Почерк аккуратный, не то, что у Светки: цифры написаны с небольшим одинаковым наклоном, подпись – «Т. А.» – имеет разумное количество женских завитушек. «Т» – это, понятное дело, Татьяна, «А» – соответственно, фамилия. У Светки тоже фамилия на «А» – Аннушкина. Может, это что-то значит?

«А ведь странное дело, – оторвавшись от графологии, думаю я, – одна девушка навела меня на мысли о другой, а другая о третьей...»

Незаметно подходит моя очередь. Спина в сером свитере, которую я наблюдал последние десять минут, с пакетом наперевес отваливает прочь, и вместо неё передо мной утомлённое личико «Изабеллы Росселини».

– Что будете брать, молодой человек? – устало спрашивает она.

– А пирожки с кем? – вместо ответа говорю я, окончательно вернувшись из забытья.

– Сложно сказать, – пожимает плечами девушка, – по накладной с говядиной, по вкусу, вроде, с курицей, а по запаху...

– С инопланетянином, – вставляю я.

Девушка улыбается:

– Может быть...

– Тогда, будьте добры, четыре «Китайских мальчика», четыре вот этих пирожка и четыре рогалика. И ещё ваш пакетик.

Девушка собирает заказ, не снимая улыбки.

– Ой, а рогаликов всего два осталось, – виновато произносит она. – Может, возьмёте ватрушки? Они, правда, вчерашние, но вкусные.

Я поднимаю руки:

– Нет, только не ватрушки! Давайте лучше ещё два с инопланетянином!

Девушка непонимающе раскрывает глаза.

– Ватрушки мы ели вчера, – поясняю я, – и не всем, так сказать, понравилось...

– Хорошо, возьмите тогда булочки с джемом, их только что привезли.

– Давайте с джемом, – соглашаюсь я.

Девушка ловко цокает пальчиками по клавишам выдавшего виды калькулятора.

– С вас сто пятьдесят рублей сорок копеек за всё.

Расплачиваюсь под расчёт и получаю в знак благодарности приятную улыбку, надо полагать, искреннюю. Сделав несколько шагов от ларька, оборачиваюсь. Эдуард, по пояс просунувшийся в ларёк, уже о чём-то воркует с продавщицей.

«Теперь понятно, откуда взялось прозвище», – думаю я и иду к лифту.

С поклажей возвращаюсь в офис. Голодные коллеги, словно коршуны, набрасываются на мой пакет, и скоро по шоу-румму расплзается запах свежезаваренного «Китайского мальчика». Я тоже заливаю кипяток в пенопластовый стакан с лапшей, беру булки и сажусь на один из свободных «гостевых» стульев рядом с окном. Не знаю, почему, но мне нравится есть и одновременно смотреть в окно. Хотя, если честно, смотреть особо не на что: скала «Газпрома» на заднем плане, свалка и гаражи на переднем. Сверху усталое московское небо.

– На что уставился? – спрашивает меня подошедший сзади Климов.

– На «Газпром», – отвечаю я. – В те три минуты, пока заваривается китайская лапша, я всегда смотрю на это сооружение. Оно напоминает мне наивного титана Атласа, который на своих плечах держал небо.

Климов понимающе кивает:

- А мне оно напоминает хрен, которым сношают всю страну и ближнее зарубежье.
- Да вы, батенька, фрейдист! – усмехаюсь я.
- Я – реалист, Валер, – немного высокомерно отвечает Климов, – а вот ты, кажется, ещё не избавился от романтического бреда.
- А ты, надо полагать, уже избавился?
- Игорь снова кивает:
- Ещё в армии. Я даже помню, когда именно.
- И когда же?
- Когда трое нетрезвых военнослужащих второго года службы сначала пытались склонить меня к минуте, а потом изнасиловать.
- Его слова заставляют меня широко открыть глаза и рот:
- Что, серьёзно?
- Абсолютно. Я тогда, понимаешь, «молодой» был. Худенький, маленький.
- И чем, извини, закончилось?
- Игорь не по-доброму улыбается:
- Отбился. А потом одному из этих трёх ночью по башке табуреткой вмазал. Чтобы спало лучше.
- Мне ничего не остаётся, кроме как многозначительно покачать головой:
- Да уж, непобедимая и легендарная. Слава богу, сия чаша меня миновала.
- В мирное время не годен, в военное время опасен? – уточняет Игорь.
- Приставляю два пальца к стёклам очков:
- Да, по глазам.
- На самом деле не всё так плохо. Армия, конечно, может сломать, а может и человека сделать. Это как повезёт. Мне, например, повезло.
- Скажи, а когда ты сам стал военнослужащим второго года службы, ты склонял к чему-нибудь «молодых»?
- Игорь усмехается:
- Я знал, что ты об этом спросишь. Нет, не склонял. «Дедовал» помаленьку, но ничего такого. Угрызения совести не мучают, кровавые мальчики в погонах по ночам не посещают.
- Смотрю на Игоря, и вдруг понимаю, как я на самом деле далёк от этого человека. Во всех смыслах. А ведь ему, как и остальным моим шефьям, всего-то тридцать.
- «Неужели, и я скоро таким буду? – думаю я. – Избавлюсь ли от романтического бреда в пользу капиталистического реализма?»
- Игорь начинает нетерпеливо потирать руки:
- Ладно, хватит трепаться, давай жрать, а то остынет.
- И то верно, – говорю я и, тщательно протерев салфеткой вилку и ложку, принимаюсь за еду.

Дверь открывается, когда с трапезой практически покончено. Первой в шоу-рум уверенной походкой входит Зоя, а за ней лёгкой рысцой забегает какая-то женщина в длинном пальто и с кошмаром на голове.

– Фу-у-у, китайское зловоние! – морщится Зоя, помахивая ладонью перед носом, и, обращаясь к женщине, говорит: – Вот, это и есть фирма «Регейн».

Женщина кивком головы благодарит Зою и обводит шоу-рум цепким взглядом чуть прищуренных глаз. По очереди проходится она по всем нам, на долю секунды задерживаясь на каждом.

– Вы, наверное, директор, – с недобрыми нотками в голосе произносит она, остановившись на Востокове.

– Да, это я, – говорит он, поднимаясь со стула и закрывая собой разбросанные по столу объедки, – чем могу служить?

Женщина делает несколько быстрых шагов в его сторону.

– На прошлой неделе к вам приходил инспектор пожарной охраны? – отрывисто спрашивает она.

– Да, было дело, – почти сразу отвечает Игорь, – а в чём, собственно...

– Вы дали ему это! – не даёт ему закончить женщина и резким движением выхватывает из кармана пальто продолговатый предмет, в котором я не сразу, но узнаю очечник.

От неожиданности Игорь вздрагивает, но вовремя берёт себя в руки.

– Действительно, мы преподнесли инспектору солнцезащитные очки в качестве подарка ко дню пожарной охраны, – соглашается он, – но я положительно не понимаю, в чём дело?

– А дело в том, что моему мужу не нужны эти очки! – взвизгивает женщина. И, после паузы: – Очки нужны мне!

В шоу-руме повисает молчание. Мы, ошарашенные напором пожарницы, молчим; она сама, видимо, испугавшись собственной наглости, тоже.

– Нельзя ли их обменять? – наконец произносит она почти извиняющимся голосом.

Игорь моментально оценивает ситуацию и расплывается в кошачьей улыбке:

– Разумеется, можно. Пальто вот сюда повесьте...

Пока Игорь помогает гостье раздеться, мы с Олегом быстро убираем со столов стаканы из-под лапши и прочий мусор, оставшийся после приёма пищи.

Я вспоминаю, что на прошлой неделе, кажется, во вторник, у нас действительно был с официальным визитом местный инспектор пожарной охраны, высокий седой мужик с военной выправкой. В процессе осмотра нашего офиса у него, естественно, возникли некоторые вопросы, и, чтобы они не так бросались в глаза, Игорь подарил ему тёмные очки из коллекции «Lois», в которых тот стал похож на героя боевика. Фактически, это была взятка, но другого выхода у нас не было – устранить то, что обнаружил у нас пожарный, в разумные сроки и за разумные деньги не представлялось возможным. Наш гость, кстати, остался весьма доволен подарком, видимо, ему до смерти надоел «Белый аист», который ему совали в других конторах.

– А когда этот день пожарной охраны? – тихо, чтобы не услышала гостья, спрашиваю я Олега.

– Тридцатого апреля, кажется, – отвечает тот и, немного подумав, добавляет: – рановато подарили...

В это время Игорь подводит разоблачившуюся пожарницу к самой крайней выставочной стойке, где висят недорогие оправы, но та, ведомая женским чутьём проходит мимо и устремляется к другой, с оправками «побогаче».

– Мне нравятся вот эти, – показывает она пальцем на искрящуюся в электрическом свете оправу коллекции «Pertegas», золотую со стразами «Swarovski» на заушниках. Ну, и, соответственно, дорогущую – целых сто десять у.е.

– Боюсь, она слишком вызывающая, – Игорь мягко уводит пожарницу в глубь шоу-рума, – такие у нас только торгуют с рынка берут. Попробуйте лучше эту.

Пожарнице на голову водружается оправка попроще, из коллекции «Oh!» всего за пятьдесят условных единиц. Подведя не успевшую опомниться клиентку к зеркалу, Игорь давит на самую главную кнопку.

– Эта модель имеет замечательное свойство, – вкрадчиво произносит он, – женщины в ней выглядят моложе.

Пожарница тает на глазах. Готовность к отражению хамских выпадов, ровно как и к совершению оных, с которой она вошла в шоу-рум, уже не просматривается. Во всём её поведении чувствуется предвкушение маленького женского счастья. Теперь она ведёт себя,

как любая другая тётка – вертится перед зеркалом, нацепив на голову оправу, которая, со слов Игоря, делает её моложе. Кажется, она уже и сама в это верит.

– Дизайн модели разработан в Париже специально для женщин, которым немного за тридцать, – мурлычет ей на ухо Игорь, – она идеально подходит к такому типу лица, как у вас. Эффект омоложения достигается в первую очередь за счёт использования так называемых экологических, то есть естественных цветов. Видите, оправка очень органично вписывается в контуры лица и почти незаметна на коже?

– Да... – еле слышно отвечает пожарница.

– И ещё, в Москве таких оправ всего две, – Игорь делает долгую паузу и поправляется: – нет, одна. Валерия Мацца уже уехала.

– А кто это, Валерия Ма...?

– Это та блондинка, которая снималась с Бандерасом в рекламе колготок «Сан Пелегрино». «Нашу любовь не разорвать никогда», помните? Вот она у нас здесь, в красном углу.

Игорь указывает рукой на постер, с которого на нас поверх маленьких очёчков взирает обозначенная модель, насколько мне известно, никогда не бывавшая в Москве. Да и очки на ней совсем не те, которые впаривает пожарнице Игорь.

– Ах, да, точно, – шепчет жертва, – похожа...

Игорь аккуратно снимает с её головы оправу и укладывает в очечник.

– К этому очечнику у нас идёт салфетка с микрофиброй, – говорит он, – лучшая на сегодняшний день защита линз от пыли мегаполиса.

Пожарница, которая уже в одной трамвайной остановке от оргазма, смотрит на Игоря полными подросткового тумана глазами; Игорь отвечает ей спокойным взглядом профессионального вруна. Пока та не опомнилась, он помогает ей одеться и, не дав положить глаз на что-нибудь ещё, плавно выпроваживает из офиса.

– Разработан в Париже специально для женщин немного за тридцать, говоришь? – спрашивает его Климов, когда тот возвращается на рабочее место. – И что это за экологические цвета?

– Врать надо поэтично, Гарри, особенно женщинам, – отвечает тот, закуривая. – Разве ты не понимаешь, что враньё – это искусство?

– Ещё один романтик, – вздыхает Климов, – Гарри, почему ты её просто не выставил?

– Ты что, сдурел? – удивляется Востоков. – Хочешь навсегда испортить отношения с пожарным? Кроме того, мы остались в выигрыше. Солнцезащитные очки стоят дороже, чем тот «Oh!», что я ей впарил.

– И этого человека ты только что назвал романтиком? – вырывается у меня.

Климов открывает рот, чтобы что-то мне ответить, но Востоков его опережает:

– Валера, романтика, – говорит он, подавив улыбку, – всего лишь идеализация ужасающей действительности, и никто не запрещает с её помощью зарабатывать деньги. А женщины, как тебе должно быть известно, наиболее падки на романтическую белиберду, и нам, мужчинам, сам бог велел этим пользоваться. Так что романтика – обратная сторона прагматики.

– То есть ты – прагматик?

Востоков теперь улыбается во весь рот:

– Нет, Валера, я именно романтик, поскольку, пусть на короткое время, но создаю для женщин идеальный мир, в котором они красивы и желанны. Я дарю им счастье, понимаешь?

– Продаёшь, – уточняю я.

Игорь отрицательно мотает головой:

– Именно что даю. Счастье невозможно продать. Полученные от них деньги – это гонорар за спектакль.

Наш разговор прерывается резким щелчком открывающейся входной двери. Поворачиваем головы на звук и видим вошедшую девушку, лицо которой кажется мне знакомым. Приглядевшись, я соображаю, что это та самая девушка, насчёт которой поспорили мои шефья.

– Я пришла, – прямо с порога заявляет она. – Мне нужны одни очки, чтобы выглядеть как стерва, и вторые, чтобы я была похожа на маленькую девочку.

Игорь принимает задумчивую позу.

– Другими словами, вы хотите, как и все женщины, иметь в своём арсенале образ херувима и дьяволицы? – уточняет он.

– Ну да, – пожимает плечами девушка. – А что тут такого... Это можно сделать?

Востоков разводит руками, словно радушный хозяин:

– Ну, разумеется! Для этого мы тут и сидим, добро пожаловать в сказку!

Девушка уверенно проходит вглубь шоу-рума. Игорь принимает у неё дублёрку, и, когда гостя поворачивается к нам спиной, делает в отношении Климова жест, который в новые времена стал означать намерение кого-либо позвонить кому-либо по телефону, а в старые означал предложение выпить. На что Климов отвечает жестом, которым по слухам японские проститутки заманивают клиентов, проще говоря, кукиш.

– Как свидетель пари, могу засвидетельствовать ваш проигрыш, сэр, – говорю я ему тихо, чтобы не было слышно в зале, – поэтому считаю ваш жест неуместным.

– Да иди ты! – отмахивается он от меня. – Это же не ты бутылку Смирновки проиграл.

– Две бутылки, – поправляю я, – сегодня понедельник.

– Вот непруха, – сквозь зубы цедит Климов, – целых две бутылки...

Будто услышав нас, Востоков поворачивается и высовывает на полную длину розовый язык.

– Во всём нужно видеть хорошую сторону, – говорю я, не меняя тона, – будет лишний повод выпить хорошей водки. Вряд ли господин генеральный директор выжрет целый литр в одно лицо.

– Тоже верно, – вздыхает Климов, – хотя, как знать...

Игорь в это время трудится над гостьей. Первую пару очков он подобрал ей без труда, так что дьявольский лик той уже обеспечен, осталось только решить вопрос с ангельским. А с этим возникают некоторые проблемы, поскольку девушкино личико давно и навсегда растеряло все ангельские атрибуты, если таковые вообще присутствовали. По мне так она похожа на повидавшую виды кошку, что и обусловило лёгкость подбора ей «инфернальной» оправы.

– Думаю, вам стоит поменять причёску, – предлагает Игорь, – как вы на это смотрите?

– Забрать всё назад, или вообще сделать хвост, – отзывается девушка. – Вот так?

Она показывает, как примерно это будет выглядеть.

– Нет, назад не надо, – задумчиво произносит Игорь, – у ангелов хвоста быть не может, это аксессуар совсем других персонажей. Давайте лучше волосы совсем распустим и немного распустим.

Девушка делает, что ей говорят. Заколка, которая держала её причёску, ложится рядом с оправой. Волнистые светло-русые локоны рассыпаются по плечам. Девушка достаёт из сумочки расчёску и в несколько взмахов приводит волосы в распущённое состояние.

– Теперь сотрите помаду, – Игорь протягивает ей оставшуюся с обеда салфетку.

Девушка повинуется.

– А теперь попробуем вот эту оправу. – Игорь протягивает девушке тот же самый «Oh!», который несколько минут назад втюхал пожарнице.

– Ну как? – спрашивает он.

– Охренеть, – только и может сказать девушка, – нет, правда охренеть!

Преображение действительно потрясающее. Правда, я не совсем уверен, что достигнуто оно исключительно оправой, но факт остаётся фактом: девушка из инфернального персонажа

превратилась в практически небесный. Мы с Климовым и Розовым в восхищении аплодируем. Востоков картинно кланяется:

– Некоторые называют это чудом, а я называю это работой.

Какое-то время девушка любит себя в зеркале, потом, будто опомнившись, спрашивает:

– Сколько с меня?

– Два раза по пятьдесят пять за всё, – чётко отвечает Игорь, – по курсу – шесть двадцать.

– Спасибо, я помню. – Девушка достаёт из сумочки новенькие доллары. – Вот как раз без сдачи, сто десять.

Игорь берёт из её рук деньги.

– Вы что, там у себя их печатаете?

– Храним, – отвечает девушка, – я в банке работаю.

– В каком, если не секрет?

– «СБС-Агро».

– Подумать только, какое совпадение! – Игорь складывает ладони, будто собирается молиться. – Мы держим у вас наши капиталы.

– Приятно слышать, – улыбается девушка, – а можно получить какой-нибудь платёжный документ?

– Валера, приходничек! – командует Востоков.

Я выписываю приходный ордер и отношу девушке. Та пробегает по нему глазами, попутно смерив меня оценивающим взглядом.

– Спасибо, вы очень любезны, – говорит она.

– Не за что, – отвечаю я, – некоторые называют это чудом, я называю это работой.

Девушка смеётся, как мне кажется, немножко ненатурально. После того как она успокаивается, мы раскланиваемся.

– Только не ходите с демонстрационными линзами, – на прощание говорит ей Игорь, – обязательно пойдите в оптику и вставьте «нулёвки».

Девушка кивает:

– Обязательно вставлю.

Игорь помогает ей одеться, после чего провожает до двери. Насколько мне видно со своего места, девушка покидает нас со счастливой улыбкой на лице.

– Ещё одна жертва обмана, – говорю я Климову, – сколько их ещё будет...

Тот отмахивается от меня: мол, отвали, без тебя тошно. Возвращается Востоков. Закурив сигарету, начинает расхаживать по шоу-руму с видом триумфатора.

– Ну что, бездари-охламоны-двоечники, поняли, как надо работать? – ковыряя указательным пальцем воздух, вещает он. – Вот это я и называю классикой! Высший пилотаж! Две цели за двадцать минут! И, я вам скажу, цели нетривиальные. Чего стоит одна моя идея с причёской... это было, как озарение... должно быть, так поэту приходит рифма, а писателю – единственно верная метафора...

Не в силах это терпеть, встаю, подхожу к нему и тихонько говорю на ухо:

– Игорь, ты человек...

Он моментально замолкает и становится серьёзным:

– Спасибо, что сломал кайф.

– Пожалуйста, – отвечаю я, – если что, обращайся.

– Ладно, хватит разводить ля-ля, – встревает в нашу беседу Климов, – Гарри, поехали в «Ломо-оптик» на Смоленскую. Олег, приготовь машину, а тебе, Валера, кажется, надо переводить инвойс.

– Ой, точно, совсем забыл! – мысленно стучу себя по лбу. – Сейчас переведу, там работы на семь минут.

Поездки в оптики, расположенные в центре, то есть в пределах Садового кольца, являются обязательными мероприятиями для такой фирмы, как наша. Как я уже говорил, «Регейн» – фирма оптовая, и своей розничной сети не имеет, поэтому для поддержания штатов моим шефьям приходится самим предлагать себя оптикам или аптекам с соответствующими отделами. Заниматься этим, понятное дело, лучше всего в центре, поскольку там самая торговля, и делать это нужно регулярно, иначе о тебе просто забудут. Поэтому после каждой новой поставки оба Игоря надевают свои лучшие костюмы, садятся в машину и объезжают по очереди все центральные оптики, демонстрируя тамошним директорам новинки европейского очкового рынка. Для таких поездок у нас даже имеется специальный чемодан, внутри которого есть выдвижные ящики с ложементами под оправы. С виду он как обычный дорожный, крупноватый, правда, а раскроешь, и можно прямо с него торговать. За это мы называем его: «Мечта спекулянта».

Сборы занимают у Игорей примерно полчаса. В «Мечту» кладутся все новые оправы, какие у нас есть, в том числе и те детские, в которых мы играли в «Каменное лицо». Ещё пятнадцать минут уходит на приведение себя в порядок и завязывание Климову моего галстука, поскольку тот почему-то явился сегодня без оного. Наконец, к двум часам всё готово к отъезду. Чемодан собран, шефья приведены в порядок, машина с Розовым внутри ждёт у главного входа «Гипромедтехники».

– Не вздумай смыться раньше, – говорит мне на прощанье Востоков, – мне было видение, что к концу рабочего к нам нагрянут клиенты.

Я беру под козырёк:

– Не извольте сомневаться, ваше генеральское директорство! От звонка до звонка!

– Гляди, проверю, – скептически прищуривает глаза Игорь.

– А мы ему из оптики позвоним, – предлагает Климов, – без пяти шесть.

– Меня оскорбляет ваше недоверие, господа директора, – обиженным тоном заявляю я, – разве за мной водилось что-нибудь подобное?

Востоков многозначительно поднимает палец:

– Капитализм, Валера, есть учёт и контроль.

– Мне кажется, вы не очень верно цитируете классиков... – начинаю я, но в ответ слышу только хлопок входной двери. Шефья, наконец, отбыли.

«Контролёры хреновы, – устало думаю я – кто только вас будет контролировать...»

Обозначенный выше инвойс я перевожу, конечно, не за семь, а примерно минут за сорок. У меня уже раз десятый возникает желание позвонить Татьяне, но я дал себе слово, что позвоню только после того, как последнее английское слово в документе станет русским.

И вот, наконец, наступает момент, когда на экране не остаётся ни одной латинской буквы. Я отправляю документ на печать, и пока наш издавший виды «Erson» хлопает дюзами, набираю номер, который успел запомнить. На том конце трубку поднимают мгновенно, будто сидящий там знал, что я позвоню именно в этот момент.

– Агентство «Идея – дисконт»! – слышу я бодрый женский голос. – Добрый день!

– Здравствуйте! – столь же бодро говорю я. – Будьте добры Татьяну!

– А вам какую? – уже не так бодро интересуются на том конце.

– Честно говоря, не знаю... – говорю я, мысленно разводя руками, – у неё фамилия на «А»...

– На «А» у нас только Аннушкина, – отвечает голос, и после паузы добавляет: – Это я. Еле сдерживаюсь, чтобы не прыснуть в трубку.

– Привет, это Валерий, – сообщаю я настолько серьёзно, насколько могу.

– Валерий? Какой Валерий? – переспрашивает трубка.

– Ну, Лерик. Мы познакомились в «Жёлтой кофте», в пятницу. Тогда ещё Дон Москито, ну, мой товарищ, со сцены упал... а потом мы к вам подсели... Нас трое было, то есть с Доном Москито четверо, – достаточно сбивчиво поясняю я, и от глупости сказанного мне становится очень неловко.

В трубке слышится сначала молчание, а затем издевательский смешок.

– На самом деле, я сразу поняла, с кем говорю – у тебя голос очень необычный. Здравствуй, Лерик.

Камень, размером с вагон метро, всё время болтавшийся у меня в районе солнечного сплетения, отрывается и отчаливает в небытие.

– Привет, Тань – говорю я с облегчением, – как дела?

– Нормально. А у тебя?

– Тоже ничего. Я, это, звонил в выходные, только никто трубку не брал, – в порыве вдохновения вру я.

– Понятное дело, никто не брал, – хмыкает Татьяна, – это же рабочий телефон.

– Я думал, ты дала мне домашний.

– У меня почти нет домашнего телефона.

– Что значит, почти нет? – не понимаю я.

– Это значит, что телефон есть, но он спаренный, а соседка по нему постоянно треплется.

– Понятно. Тяжкое наследие советского режима.

– Можно и так сказать. – Татьяна делает долгую паузу, словно готовится сказать что-то очень важное, но произносит следующее: – Скажи мне, милый ребёнок, у тебя на сегодня какой план?

– Честно говоря, никакого, – отвечаю я, а сам быстро соображаю, сколько у меня наличных денег, – может, просто...

– Тогда, есть предложение, – обрывает меня она, – мне тут сказали, что в «Третьяковке» после реставрации открыли Врубелевский зал. Ты как насчёт Врубеля?

Избавляюсь ещё от одного вагона – билеты в Третьяковку я себе точно смогу позволить.

– «Демон», Врубель. Я бы дал больше, – говорю я голосом дорогого Леонида Ильича.

– Старо, – отрезает Татьяна, – так как?

– Я не против, даже за, но туда, небось, только часов до пяти пускают.

– Кассы работают до половины седьмого, я узнавала. Ты вообще где работаешь, и до скольких?

– На «Калужской» до шести. А ты?

– О! А я на «Ленинском», тоже до шести. Раньше смыться можешь?

В моей голове мгновенно прокручивается разговор с шефьями, точнее, та его часть, где они обещали меня проконтролировать.

– В принципе, могу... – не особо уверенно говорю я.

– Тогда так, – подытоживает Татьяна, – на «Третьяковской», которая на нашей ветке, у эскалаторов, в шесть пятнадцать. Идёт?

– Идёт, – отвечаю я, – только...

Короткие гудки не дают мне высказать сомнения в том, что мы не успеем.

«Странный, однако, получился разговор, – думаю я, аккуратно укладывая трубку на рычаг, – такое впечатление, будто Татьяна знала, что я позвоню. У неё в голове был чёткий план действий на вечер, да и то, что она работает со мной на одной ветке метро, тоже неспроста...»

Встаю и направляюсь к вешалке, где рядом с пальто на плечиках болтается мой коричневый «зимний» пиджак. Извлекаю из его внутреннего кармана бумажник и, о ужас! обнаруживаю в нем всего сорок рублей.

– Этого даже на Третьяковку не хватит... – произношу я вслух.

Некоторое время бессистемно перемещаюсь по офису в растерянности, пока ни соображаю, что занять денег можно у Зои. Разумеется, делать мне этого совсем не хочется, но другого выхода, похоже, нету. Надеваю пиджак и направляюсь к выходу. Проходя мимо зеркала, обнаруживаю, что на мне нет галстука.

«Ну всё одно к одному! – думаю я. – Не хватало ещё, чтобы Зоя куда-нибудь смылась».

К счастью, дверь с небрежно приклеенной на ней табличкой: «Косметика Балтии» оказывается незапертой. На радостях с силой дёргаю ручку на себя, и мой взгляд упирается в гостевой диванчик, на котором сидит Зоя в объятиях Эдуарда или, если быть более точным, Эдуард в объятиях Зои. Моя челюсть отвисает до мечевидного отростка, а застуканные мной любовники замирают в нелепых позах. Эдуард при этом делает такое глупое лицо, что мне становится одновременно смешно и страшно; Зоя сдавленно взвизгивает.

– Привет, – говорю я, даваясь со смеху, – давно не виделись.

– Ты. Это. Чего? – отрывисто спрашивает Эдуард, лихорадочно высвобождаясь от Зоино захвата.

Я не выдерживаю и прыскаю в кулак. В это время Зоя с невероятной ловкостью для своих габаритов буквально выстреливает с дивана и, поправляя на бегу блузку и одёргивая юбку, исчезает в соседней комнате.

– Тебе чего? – повторяет свой вопрос, пришедший в себя Эдуард.

– Помнишь, ты мне в обед денег одолжить предлагал?

У Эдуарда расширяются глаза.

– Помню...

– Ну, я, типа, созрел.

Эдуард лезет в задний карман за бумажником, не глядя, вынимает оттуда несколько разномастных банкнот и протягивает мне.

– Надеюсь, увиденное не покинет пределов... – начинает он.

– Не бойся, не покинет, – подтверждаю я, – только можно у тебя ещё кое-что попросить?

– Что? – с тревогой в голосе спрашивает Эдуард.

– Галстук.

На станцию метро «Третьяковская» я прибываю ровно в шесть часов пятнадцать минут московского времени, для чего мне приходится отчалить с работы в половину шестого. Я не особенно беспокоюсь по этому поводу, хотя неприятный осадок присутствует. Даже не знаю, что мне будет, если Игорь выполнит своё обещание и проконтролирует меня. Оштрафует? Лишит премии?

К платформе с воем подползает переполненный поезд, облепленные изнутри расплюсценными пассажирами двери распахиваются и практически пустовавшая до этого платформа наполняется людьми. Часть из них идёт на пересадку, другая – большая – на выход, то есть на меня. Мой взгляд мечется между лиц, идущих к эскалатору. В подавляющем большинстве лица молодые, людей в возрасте почему-то совсем мало. Всматриваюсь в каждую проходящую мимо девушку, и неожиданно соображаю, что не помню Татьяниного лица. Отчаянно пытаюсь его вспомнить, закрываю глаза, но не тут-то было: как назло из памяти лезут другие, совершенно не относящиеся к делу женские лица. На переднем плане, конечно же, Светка, за ней по очереди ещё несколько персонажей из прошлого, а совсем сзади проплывает растрёпанная Зоя.

«Да что же со мной такое! – думаю я, мысленно возвращаясь на станцию. – Неужели так сложно вспомнить лицо девушки, которую видел всего три дня назад!»

Снова закрываю глаза, но опять ничего не выходит – образ Татьяны по-прежнему остаётся мутным или скрывается за другими; максимум, что удаётся – вспомнить её в профиль, так, как я её наблюдал в «Жёлтой кофте» до падения Дона Москито.

К платформе прибывает уже третий состав, но Татьяны всё нет. Мне начинает казаться, что она уже прошла мимо, а я её не узнал.

«Как же так можно! – сокрушаюсь я про себя. – Наверное, она тоже забыла, как я выгляжу, и прошла мимо. Надо было ей по телефону сказать, во что я буду одет...»

Четвёртый по счёту поезд подкатывает к платформе невероятно медленно, словно в намерении известить меня окончательно. Со знакомым с детства грохотом раскрываются двери, и из первого вагона в мою сторону выбегает высокая девушка в чёрном пальто и пёстром палантине на плечах. Полы её пальто на бегу весело развеваются, демонстрируя всем вокруг, и мне в том числе, серую выше колен юбку, высокие черные сапоги и кроваво-красную подкладку пальто. Девушка стремительно приближается, я вглядываюсь в её лицо, и не сразу, но узнаю знакомые глаза и улыбку. Не снижая темпа, Татьяна хватается за рукав и тащит на эскалатор.

– Извини, шеф задержал, – скороговоркой произносит она, когда мы занимаем место на ступеньках, – у нас есть семь минут. Придётся бежать.

– Здравствуй, – говорю я, – я очень рад, что ты пришла.

Татьяна улыбается глазами:

– А ты милый.

– Стараюсь...

Она приподнимается на носочки и целует меня в щеку. Касание её губ и лёгкий запах духов даёт странный эффект, сравнимый с ударом надувным молотком по голове. Сначала ощущается лёгкое головокружение, а затем пробежавший по позвоночнику холодок.

«Как молодой, ей богу», – усмехаюсь я про себя.

Должно быть, переживания отражаются на моём лице, поскольку Татьяна, сдвинув брови, интересуется:

– Что-то не так?

– Всё так, – отвечаю я и, чуть нагнувшись, целую её маленькую холодную ладошку.

Из метро мы выбегаем, держась за руки, словно два прилипших к палочке эстафетных бегуна. Бежим в ногу. Татьяна чуть впереди, я, отягощённый сумкой и тяжёлыми скользкими ботинками, сзади.

«Наверное, лёгкой атлетикой занималась, – думаю я, стараясь выровнять дыхание, – а может, лыжница...»

– Не отставай, – подгоняет меня Татьяна, – шире шаг!

– Куда уж шире... – отзываюсь я, теряя последний воздух.

Сворачиваем в Лаврушинский. Не встретив ни души, пробегаем мимо Инженерного корпуса галереи, затем вдоль кирпичной ограды, из-за которой виднеется знаменитое трёхшатровое крыльцо и засыпанный снегом памятник отцу-основателю. Наконец, ворота. Поддерживая друг друга, тормозим на скользком пяточке, синхронно хватаемся за ручку, дёргаем, но ворота не поддаются.

– Чёрт, опоздали! – упавшим голосом говорит Татьяна, ещё раз дёрнув холодную железку.

Смотрю на часы, согласно которым у нас ещё есть целая минута, потом на закрытые ворота, потом на Татьяну. У той на лице выражение Пьеро из небезызвестного фильма, которое неожиданно меняется на крайне удивлённое.

– Ах, вот оно что! – вскрикивает она, пальцем показывая на небольшую табличку на воротах. – Выходной день – понедельник!

И вот тут, непонятно с чего, меня разбирает, что называется, нервический смех, но, так как смеяться мне уже нечем, я складываюсь пополам и в полусогнутом состоянии беззвучно вибрирую.

– Ты чего? – озабоченно спрашивает Татьяна. – Тебе что, плохо?

Делаю ей знак, что всё в порядке, а когда меня немного отпускает, говорю:

– Наоборот, хорошо. Это я к тому, что сегодняшний дурацкий день по-другому просто закончиться не мог.

– День ещё не закончился. Кстати, чем он такой дурацкий?

– Знаешь, бывают дни, – в перерывах между вздохами отвечаю я, – когда кажется, что мир действительно создал Котовский, давно перешедший с кокаина на тяжёлые наркотики. Вот сегодня именно такой.

Татьяна смотрит на меня с плохо скрываемым подозрением. Я понимаю, что брякнул лишнего, и спешу оправдаться:

– Просто, чтобы оказаться здесь, перед этими закрытыми воротами, мне пришлось раньше смыться с работы, доскакать от офиса до метро и от метро досюда...

Лицо моей спутницы становится серьёзным:

– Да, человек быстрее всего бежит к давно закрытым дверям...

«Вот это да, – думаю я, – она ещё и философствует. За двоих».

Скорее по привычке, достаю из кармана сигареты, и, прежде чем закурить, предлагаю Татьяне. Она жестом отказывается:

– На морозе не хочется.

Закуриваю в одиночестве. После пробежки сигаретный дым жжёт горло. Чтобы не затягивать паузу, спрашиваю:

– Стесняюсь спросить, а что мы будем делать дальше?

Татьяна разводит руками:

– Собственно, вариантов у нас немного. Точнее, всего два. Первый – пойти дальше, перейти по Лужкову мосту на другую сторону, покидаться снежками в памятник Репину, насладиться вечерним видом на Кремль, окончательно замёрзнуть и спастись от обморожения в каком-нибудь метро.

– А второй?

– Вернуться обратно к «Третьяку» и пожрать в «Маке». Честно говоря, у меня живот сейчас к спине прилипнет. Пардон, конечно.

– Тогда и думать нечего, – говорю я, подставляя ей локоть, – ведь путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Татьяна с силой шлёпает меня перчаткой по заду:

– Зараза...

– Ой, – вырывается у меня, – за что?

Вместо ответа она берётся за мой локоть двумя руками, и мы идём обратно к метро.

Лаврушинский живописно замечает. Ветер выюжит по переулку миллионами, а может, и миллиардами снежинок, которые в фонарном сиянии кажутся цветными. Татьяна пытается поймать одну из них рукой.

– Ты посмотри, какая красота! – кричит она. – Знаешь, в детстве я думала, что облако, из которого идёт снег – это огромная пуховая подушка, проткнутая самолётом.

– А я думал, что там висит гигантский холодильник «Саратов-2» открытой дверцей вниз, – отвечаю я.

Татьяна поворачивает голову в мою сторону:

– Врёшь.

– Вру, – соглашаюсь я, – честно сказать, я слишком рано понял физику процесса снега и дождеобразования. Как-то раз мы с родителями в Крыму ходили в горы, и попали там в облако. Очувившись внутри него, я мигом избавился от романтических представлений об облаках вообще. Изнутри оно выглядело, как среднестатистический туман, причём не очень плотный.

– Ещё один материалист-прагматик, – морщится Татьяна.

Я улыбаюсь.

– Ты чего? – спрашивает Татьяна.

– Понимаешь какое дело: не далее чем три часа назад один из моих шефёв назвал меня романтиком за то, что я сравнил здание «Газпрома» с держащим небо титаном Атласом, а ты заклеймила прагматиком из-за того, что я не смог поддержать твоей фантазии о проткнутой самолётом подушке. Вот теперь я думаю, что же является критерием романтизма, а что нет?

– Одно только слово «критерий» убивает весь романтизм, – улыбается Татьяна.

– То есть, по-твоему, я всё-таки прагматик?

– Получается, – пожимает плечами Татьяна.

– Это плохо?

– Чего ж хорошего...

От такого поворота в разговоре мне становится грустно, что, должно быть, отражается на моём лице.

– Ладно, ладно, – примирительно гладит меня по рукаву Татьяна, – ты способен на образное мышление, и это в нашем деле главное.

– И на том спасибо, – кланяюсь я в пояс.

– Всегда пожалуйста, – отвечает она мне шутовским книксеном.

Остальную часть пути мы проделываем молча, но меня это нисколько не смущает, да и Татьяну, кажется, тоже.

«Макдоналдс» на «Третьяковской» примечателен тем, что он очень маленький. Народу здесь вечерами всегда полно, мест на всех не хватает, да и очереди к кассам, кажется, длиннее, чем в других «Маках».

Основательно подмёрзшие, заваливаемся в тёплый, кишачий людьми предбанник. Я сразу занимаю очередь в кассу, а Татьяна идёт в зал с целью захватить столик или хотя бы половину оного. Мне велено взять стандартную картошку с кисло-сладким соусом, «филе-о-хек» и маленький чай. Что я буду брать для себя, я ещё не решил. Очередь небольшая – передо мной человек пять-шесть, судя по всему, студентов. Двое основательно навеселе.

«Пришли закусить, – думаю я, – мы тоже так раньше делали».

Очередь движется медленно. По другую сторону прилавка, поминутно сталкиваясь друг с другом, мечутся одетые в красные полосатые рубашки и черные брюки ветераны Броуновского движения, так называемые «крушники⁶». На их лицах странная смесь отрешённости и оптимизма.

Проходит достаточно много времени, пока двое первых из очереди отходят от кассы со счастливыми физиономиями и грузёнными подносами в руках. У меня рождается надежда, что теперь-то дела пойдут быстрее, но на сцену выходят поддатые студенты, которые, оказывается, не в состоянии быстро сформулировать свои требования. Возможно, это вызвано дозой выпитого, а может, банальной нехваткой денежных средств.

Проходит ещё минуты три, ситуация не меняется.

– Я не понял, это ресторан быстрого или медленного обслуживания? – кричит кто-то сзади.

– Мы тут сейчас с голоду подохнем! – подхватывают слева.

С разных сторон слышатся смешки и ругань. Кто-то пытается не особенно умело свистеть.

Переговоры между тем продолжают. Один из студентов, маленький и плотный, что-то горячо втолковывает «крушнику» на кассе; второй, высокий и тощий, молча кивает. Что делает

⁶ от англ. crew – команда, экипаж.

«крушник», не видно. Наконец, студиозусы разворачиваются спиной к кассе и, соответственно, к очереди лицом. В руках у маленького поднос, на котором лежит один единственный гамбургер.

– Свободная касса! – хрипит простуженная девушка в чёрной фирменной кепке с козырьком.

Делаю шаг вперёд, озвучиваю заказ и протягиваю деньги.

– Возьмёте пирожок с вишней? – словно робот спрашивает девушка.

– Возьму, – отвечаю я.

– С вас семьдесят шесть рублей восемьдесят пять копеек, – гнусавит девушка.

Протягиваю ей два мятых полтинника.

– Ваша сдача, – говорит она, отсчитывая деньги на вытянутых руках прямо перед моим носом, и удаляется в толкотню.

За то время, пока мне собирают заказ, я со всех ракурсов успеваю рассмотреть её, а также всех достойных внимания девушек, и в очередной раз делаю неутешительный вывод об асексуальности фирменной маковской одежды.

«А ведь они смотрелись бы куда более привлекательно в коротких юбках и футболках с глубокими вырезами, – думаю я. – Не понимаю, почему эта мысль не пришла никому из руководства «Макдональдса», это же наверняка прибавило бы заведению популярности...»

На секунду я представляю, как это бы это могло выглядеть. В моём воображении появляются улыбающиеся девушки в стиле pin-up; задорно развеваются плиссированные юбочки, цокают каблучки, мелькают стройные ножки и глубокие декольте. Красота! Не успеваю я как следует размечтаться, как в мою фантазию из реального мира тяжёлым танком вламывается, судя по форме, какая-то мелкая командирша, живого веса в которой приблизительно центнер.

– Так, улыбаться не забываем, – басит она в адрес «крушников», – и руки вытирать тряпочкой.

«Нет, лучше уж так, как сейчас», – думаю я, отводя от неё взгляд.

Мой поднос медленно, но верно заполняется. Сначала на нём появляются стаканы с кипятком – маленький и большой – затем один за другим «бутеры», и после длинной паузы девушка кладёт на поднос последнее – два красных картонных стакана с торчащим из каждого ворохом ядовито-жёлтой картошки.

– Спасибо за заказ, ждём вас снова! – скороговоркой гнусавит она и вскидывает руку вверх: – Свободная касса!

С подносом отчаливаю от прилавка и, словно ледокол, пробираюсь сквозь строй покрытых зимней росой людей. Те медленно и нехотя расступаются, внимательно рассматривая содержимое моего подноса.

Татьяне удаётся захватить не столик, а такой прилавочек у окна, к которому приставлены высокие «барные» табуреты. На одном из них она и восседает, изящно закинув ногу на ногу, другой «забит» для меня её пальто. Ещё раз отметив про себя стройность Татьянинных ножек, подхожу и ставлю поднос на стол.

– Ну, наконец-то! – вздыхает Татьяна. – Я уж думала, ты с деньгами сбежал. Чего так долго-то?

– Сегодня у них профессиональный праздник, – объясняю я, раздеваясь, – день медленного работника. Они тут тормозные, не то, что на «Пушке».

Чуть отодвинув Татьянино пальто, взбираюсь на табурет. Татьяна в это время ловко открывает крышки, которыми закрыты стаканы с кипятком и закидывает в них пакетики с чаем. Мне и себе.

– Можно я возьму у тебя сахар? – спрашивает она. – Чертовски хочется глюкозы.

– Бери, сколько влезет, – отвечаю я, – хоть два.

Выражение лица Татьяны внезапно меняется. В её глазах ужас.

– Где ты взял эту пошлятину? – кричит она.

– Какую именно? – не понимаю я.

– Я про твой галстук. Сними его сейчас же!

– Да что в нём такого?

– Снимай, говорю!

Я вижу, что Татьяна рассердилась всерьёз, и потому повинуюсь: быстро развязав узел, стягиваю с шеи объект раздражения и убираю под стол.

– Вот так гораздо лучше, – намного спокойнее говорит Татьяна, – пуговку только расстегни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.